Алёна
СКИФ

БЫВШИЕ

БУДЬ СЧАСТЛИВ С ДРУГОЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Алёна Скиф

Бывшие. Будь счастлив с другой

«Автор»
2026

Скиф А.

Бывшие. Будь счастлив с другой / А. Скиф — «Автор», 2026

Брат моего любимого человека сделал так, что Ян поверил: я изменила ему с его собственным братом.Он не стал слушать меня, просто ушел. Оставил записку и уехал в другой город, где вскоре женился.А я осталась одна с его ребенком под сердцем.«Абонент временно недоступен»Ян сменил номер. Стёр меня из своей жизни полностью, тотально. Как будто меня и не было. Как будто и не было нашей любви.Я положила ладонь на ещё плоский, ничем не выдающий себя живот.– Ничего малыш, мама справится. Обязательно справится. А папа еще будет локти кусать, когда узнает, кого он вычеркнул из своей жизни.

© Скиф А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 25
Глава 10 27
Глава 11 29
Глава 12 32
Глава 13 35
Глава 14 37
Глава 15 39
Глава 16 41
Глава 17 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Алёна Скиф
Бывшие. Будь счастлив с другой

Глава 1

– Ром, ты здесь? Ты не видел Яна?! - крикнула я брату своего мужчины, за которого в ближайшее время собиралась замуж. Я пришла в квартиру, которую они снимали на двоих, и думала застать любимого. Но мне никто не ответил.

В комнате Яна не было, поэтому я направилась в комнату Романа. Не раздумывая, толкнула дверь и… чуть не лишилась чувств. Он стоял там голый и пристально разглядывал себя в зеркало. О Боже! Кажется, он там что-то измерял.

Да-да, кажется, он измерял там свой агрегат. Поэтому я резко попятилась назад, и вместо того, чтобы вылететь обратно в коридор, спиной захлопнула дверь.

– Ой!

– Зарин, ты чего тут делаешь? - спокойно спросил Рома и шагнул в мою сторону. Его агрегат смотрел на меня с призывом, и мне стало нехорошо. Настолько нехорошо, что у меня закружилась голова и замутило. Я быстро нащупала ручку от двери, развернулась и пулей вылетела из комнаты. Я бежала в сторону ванной комнаты, когда входная дверь открылась и вошел мой любимый.

– Зарин… ты… что это с тобой? - услышала я встревоженный голос любимого и закрыв ладошкой рот буквально влетела в туалет. А дальше, мой завтрак смыло канализационными водами столицы и с трудом поднявшись, я посмотрела на свое отражение в зеркале. Видок, конечно, был так себе. Белки глаз резко стали красными, нос опух, на щеках – непонятная серо-зеленая бледность. Похоже, я чем-то отравилась. Потому что меня продолжало мутить. Стоило мне об этом подумать, меня вновь скрутило, и я только успела наклониться к унитазу. Похоже, ужин тоже унесло.

Через несколько минут я с трудом выбралась из туалета и осмотрелась. В квартире стояла удивительная тишина, вот это и пугало.

– Эй! Куда все делись?! - Крикнула я и увидела, как из своей комнаты выплывает Роман. Держась за стеночку одной рукой, а второй - за живот, я посмотрела на одетого (слава богу) брата и только сейчас заметила здоровенный фингал.

– Что это у тебя? - покосилась я на левую сторону его лица, которая заплыла и начинала синеть.

– Ничего особенного. Брат разбушевался, - коснулся ладонью заплывшего глаза и опухшего носа и пошел в сторону кухни. - Пойдем, налью тебе чаю с лимоном. Слышал, как тебя полоскало.

– А где Ян? - встревоженно спросила я, заглядывая в его комнату, но никого там не находя. - И почему он ударил тебя?

– Не бери в голову. Это наши с ним семейные разборки.

– Куда он делся? - нахмурившись, спросила я и полезла в задний карман джинсов за телефоном.

– По-моему, его срочно вызвали по работе. У них там тендер горит, — спокойно ответил Рома и поставил передо мной кружку с горячим чаем. Плюхнул туда дольку лимона и положил рядом плитку темного шоколада. - Кушай, это должно помочь.

Я кивнула и отломила кусочек шоколада, одновременно набирая номер своего любимого.

Внутри скребло неприятное предчувствие, что с ним что-то не так. У меня даже ладошки вспотели. Но после нескольких глотков вкусного чая стало полегче.

– Мне, кажется, я отравилась, – пробурчала я и подняла глаза на Рому. Он так пристально смотрел на меня, что на миг мне стало жутко.

– Чем? Чем… отправилась?

– Колбасой, наверно, - пожала плечами, - мы вчера с Мартой решили ударить по жареным колбаскам. Что-то на солененькое нас обеих потянуло. Мы ещё посмеялись над тем, что возможно обе беременные, - я прыснула со смеха и снова набрала Яна. Но телефон был недоступен.

– Не берет? - серьезно спросил Роман и нахмурился. Видно было, что он о чем-то думает. Морщины пересекли его лоб, а брови сомкнулись.

Сейчас он очень был удивительно похож на своего брата. Хотя разница между ними – всего год, некоторые их даже путали и думали, что они близнецы. Но только не я. Рома и Ян, это словно небо и земля. Ян – скала, целеустремлённый и серьёзный. А еще он мягкий, добрый и очень нежный. Люблю его, сильно-сильно.

А вот его брат Роман – баловень судьбы, повеса и жуткий бабник. Ему ничего не стоит закадрить девушку и расстаться с ней на следующее утро. Рома не думает о будущем и нигде не работает. Числится в совете директоров семейной фирмы Батыровых, получает свои дивиденды и вполне доволен жизнью.

– Нет, не берет, - пожала я плечами и поднялась с барного высокого стула. - Пойду я, пожалуй. Мне ещё в универ заскочить надо.

– Зорь, давай я тебя довезу. Мне все равно в ту сторону.

– Не надо, Ром. Не хочу тебя утруждать, - тихо ответила я, не зная, как по-хорошему отделаться от брата моего любимого.

– Ты меня не утруждаешь. Да и к тому же если ты отравилась, кто-то должен быть рядом, чтобы спасти тебя от внезапной смерти. Мало ли что.

– А ты юморист, я смотрю.

– Что есть, то есть. За это меня бабы и любят, - Восхищенно произнёс Рома и вышел из-за стола. - Вот ты меня любишь, Зарин?

– Конечно, люблю, - усмехнулась я, - как тебя не любить, такого дурака.

Я вздохнула и, покачав головой, взяла сумочку и пошла на выход.

До университета мы доехали довольно быстро. Живот больше не крутила, тошноты не было, и я была рада, что отделалась лёгким испугом. Надо будет Марте позвонить и спросить о ее самочувствии.

– Ну, я пойду? – неловко спросила я. - Спасибо, что подвёз.

– Не за что, милая, - подмигнул мне, - увижу этого остолопа, передам, чтобы перезвонил тебе.

Я улыбнулась и последний раз посмотрела на Романа. Спрашивать его, зачем он разделся перед зеркалом? И за что получил в глаз от Яна, желания не было. Мне хотелось только одного – побыстрее уйти. Поэтому я открыла дверь, чтобы выйти, но в этот момент меня схватили за локоть и потянули на себя, а затем… он прижался губами к моим и поцеловал. Властно, уверенно, не оставляя выбора.

Я взвизгнула, оттолкнула его, ударила кулаком в грудь и впилась зубами в его губу.

– Идиот! - резко выкрикнула я, хлопнула ладонью по лицу и выскочила на улицу. - С ума сошел!

– Видимо, - усмехнулся Роман и хитро мне подмигнул.

Я хлопнула дверью машины и замерла в нескольких шагах от него.

Машина дернулась с места и через несколько секунд скрылась за поворотом. Я обернулась и увидела на другой стороне улицы своего любимого мужчину. Яна. Он стоял, сложив руки на груди, и пристально на меня, смотрел. На лице его читался ужас и презрение.

– Ян! Стой! – закричала я, но он уже развернулся и быстрыми шагами уходил. – Ян, подожди!

Глава 2

Ян скрылся за углом, его фигура растворилась в толпе на тротуаре. Сердце бешено колотилось, вырываясь из груди, ноги стали ватными, а в ушах зазвенело. Я сделала несколько шагов вперёд и осмотрелась, пытаясь сквозь слезы и головокружение различить его в толпе.

– Ян! Ян! Постой, подожди!

Я кричала его имя, но голос звучал глухо и беспомощно, теряясь в городском шуме. Вокруг кружились огни фонарей и витрин, лица прохожих расплывались в цветных пятнах, не имеющих смысла. Последнее, что я запомнила перед тем, как земля ушла из-под ног, – это чьи-то испуганные возгласы и резкий, горький запах мокрого асфальта.

***

Сознание возвращалось медленно, с трудом, будто пробиваясь сквозь толстый слой ваты. Сначала – приглушённые голоса где-то вдалеке, потом – стерильный, едкий запах больницы, и наконец – размытый потолок палаты с трещиной в уголке. Я попыталась приподняться, но тело не слушалось, отливая свинцовой тяжестью.

– Зарин, милая моя, как ты? Лежи, не двигайся, – услышала я знакомый голос. Сердце ёкнуло дикой, безумной надеждой. Ян. Это был голос Яна. Я резко дернулась, пытаясь сесть, боль пронзила виски. Осмотрелась. Но зрение, застилаемое слезами, и звон в ушах подвели меня.

Это был не мой любимый.

Рядом, в стареньком кожаном кресле, сидел Роман. На его лице синяк уже пожелтел по краям, но свежая рана на губе говорила об одном - он снова подрался. И я догадывалась с кем. Брат моего любимого смотрел на меня с необычной для него серьёзностью, почти с грустью. В руках он нервно перебирал белый конверт.

– Что… что случилось? Где Ян? – прошептала я, и тут же память обрушилась на меня ледяным ушатом.

Улица, полная равнодушных людей. Быстро уходящий от меня, не оглядываясь, любимый мужчина. Его взгляд, полный не ненависти даже – а ледяного, окончательного презрения…

По моим щекам, горячим и солёным, покатились слёзы.

– Ты поскользнулась и ударилась головой. Потеряла сознание. Врачи говорят, что это сотрясение, – сухо, будто зачитывая сводку, перечислил Роман. – И тут… ещё кое-что. – Он вздохнул, протянул мне конверт. – Это от него. Он заходил, пока ты была без сознания. Оставил это.

Я дрожащими, не слушающимися пальцами взяла конверт. На нём моё имя, выведенное знакомым, твёрдым почерком. Словно ножом по душе. Открыла его и увидела внутри один-единственный листок. Развернула, чувствуя, как сердце колотится так громко, что, кажется, заглушает все больничные звуки.

«Зарин, всё, что нужно было увидеть, я увидел. В квартире. В машине. И я всё понял без объяснений.

Доверие – это фундамент. Когда он рушится, строить что-то дальше бессмысленно. Между нами всё кончено.

Прошу, не ищи меня и не пытайся объяснить. Некоторые вещи объяснению не подлежат.

Желаю тебе счастья. Прощай.

Ян.»

Буквы заплясали перед глазами, сливаясь в чёрные безобразные кляксы. В груди что-то острое и холодное, словно осколок льда, сжалось, перехватив дыхание.

Я не закричала.

Не зарыдала.

Просто сидела, сжимая в руках этот листок, и чувствовала, как мир вокруг медленно, необратимо рассыпается на миллион острых осколков, каждый из которых вонзается под кожу.

– Ром… – голос сорвался на шепот. – Ян здесь был?

– Был. Говорю же. Увидел, что ты ещё не в себе, оставил письмо и ушёл. Сказал, что выяснять нечего. – Роман встал, потянулся с неестественной небрежностью. – Врач должен скоро появиться. У тебя, кстати, анализы взяли. Результаты будут позже.

Он постоял ещё мгновение, словно что-то хотел сказать, но лишь махнул рукой и вышел из палаты, тихо прикрыв дверь.

И тут меня накрыло. Тишина. Давящая, звонкая. И этот листок. Я швырнула его на одеяло, словно он жёг пальцы, и сорвалась с койки. Ноги подкосились, мир накренился, но я ухватилась за спинку кровати. Нет. Не может быть. Это ошибка. Страшное, идиотское недоразумение!

Я схватила с тумбочки телефон. Пальцы дрожали, я трижды промахивалась, попадая не в те цифры. Наконец, пошел гудок. Прикладываю к уху. Длинные гудки. Раз. Два. Десять.

«Абонент временно недоступен…»

Я сбросила. Набрала снова… И снова…И ещё раз.

Тот же ледяной, автоматический женский голос. Я бросила телефон на кровать, он отскочил и упал на пол со звонким стуком. Задыхаясь, я принялась ходить по крошечной палате. В три шага – от двери к окну. Разворот. Ещё три шага. Потертый линолеум скрипел под босыми ногами. Я сжимала и разжимала кулаки, пытаясь загнать обратно эту панику, это чувство стремительного падения в бездну.

Сообщение. Надо написать сообщение. Я подняла телефон, на экране паутинка трещин. Открыла мессенджер.

«Ян, это ужасное недоразумение, ты всё не так понял, это Роман, он…»

Я стирала, писала заново, снова стирала. Слова казались плоскими, беспомощными, они тонули в этом синем поле чата, не долетая.

Отправила. Галочки стали синими.

«Прочитано».

Сердце замерло в ожидании. Ничего. Тишина. Я написала ещё. И ещё. Длинные, отчаянные, полные слёз и объяснений тирады. Они уходили в синюю бездну статуса «прочитано», но ответа не было. Только эта давящая, вселенская тишина.

Дверь открылась. Вошёл Роман, держа в руках две пластиковые кружки с чаем.

– Нервничаешь? – спросил он с какой-то кривой усмешкой.

Это было последней каплей. Вся ярость, отчаяние и боль, сжавшиеся внутри в тугой раскалённый шар, вырвались наружу.

– Это ты! – я бросилась к нему, забыв про слабость, и с силой толкнула его в грудь. – Это всё из-за тебя! Ты подстроил! Ты специально! Зачем?! Зачем ты это сделал?!

Глава 3

Роман едва пошатнулся, чай расплескался, горячими каплями попав на мою больничную рубашку.

Его лицо, секунду назад относительно спокойное, исказилось.

Он со всего размаха швырнул кружки в угол, где они звякнули, покатившись по полу, и в два шага настиг меня.

Сильные пальцы впились мне в запястья, сжимая так, что хрустнули кости. Я пискнула и вся сжалась от страха.

Он прижал меня к стене, склонившись так близко, что я почувствовала его дыхание.

– Пожалуйста, – пропищала я, – не надо, Рома.

– Это все из-за меня? – прошипел он, и в его глазах, всегда таких легкомысленных, плясали злые, жёлтые искры. – Из-за меня, да?!

Я молчала, потому что знала, стоит мне сказать еще хоть одно слово и он может меня ударить.

– Кто влетел ко мне в комнату без стука? Кто пялился, как девственница? Кто потом бегал, как ошпаренная по квартире, и рыгал в унитаз? А потом ещё и болтала тут про «беременных» при мне? Ты сама всё устроила, девочка! Своими истериками и глупостью! Самый обычный поцелуй, а ты разыграла спектакль, будто тебя изнасиловали! Ян всё увидел и всё понял.

– Что понял? - непонимающе спросила я.

– Что ты самая настоящая шлюха, готовая при первой возможности прыгнуть в постель к первому попавшемуся мужику. Думаешь, я не видел, как ты на меня смотрела все эти месяцы, что встречалась с братом. Ты же текла по мне, как сучка во время течки.

– Ты сошел с ума, - процедила сквозь зубы и попробовала освободить ноющие запястья из его хвата. Но он был сильнее меня.

– Конечно сошел, - усмехнулся он, - от такой красоты кто угодно сойдет с ума. В общем и целом, ты сама во всем виновата. Можно сказать, ты все испортила.

– Я за ним побежала, а он… он… просто ушел.

Он отпустил мои руки, на которых уже проступали красные отпечатки его пальцев, и отступил на шаг. Взгляд его был полон отвращения – не к себе, а ко мне.

– Он ждал объяснений, Зарин. Не в письме, не по телефону. Там, на улице. А ты вместо этого в обморок грохнулась. Красиво. Очень убедительно. Так что не вини меня. Виновата в этом только твоя собственная идиотская трусость.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что задребезжала стеклянная перегородка.

Я сползла по стене на пол, обхватив голову руками. В ушах гудело от его слов. «Трусость… Идиотская… Испортила…»

Он был прав. Ужасающе, мерзко прав. Я не кричала тогда Яну вслед правду. Не догнала его и не рассказала всё как было. Я просто… испугалась. Испугалась сцены, его гнева, непонимания. И этот страх разрушил всё.

***

Через день меня выписали.

Домой я вернулась в пустую, холодную квартиру, где из всех углов ещё предательски пахло его одеколоном, смешанным с запахом его кожи. На второй день позвонила общая знакомая, осторожно, витиевато спрашивая, всё ли у нас в порядке, потому что Ян внезапно уехал

в «срочную командировку», а потом, ходят слухи, и вовсе перевёлся в филиал в другом городе. Насовсем.

Я жила как во сне, как автомат. Ходила на пары, где слова лектора пролетали мимо ушей. Выполняла задания механически. Улыбалась подругам натянутой, неживой улыбкой. А по ночам, зарывшись лицом в подушку, которая уже не пахла им, тихо плакала, сжимая в руках телефон с номером, который теперь вёл в никуда.

Прошёл месяц.

Боль стала притупляться, превращаться в фоновую, ноющую тяжесть. Я даже начала думать, что смогу дышать дальше. И вот, в одно серое утро, за чашкой безвкусного кофе, я автоматически листала ленту соцсетей.

И увидела.

Новую аватарку у общей знакомой. Яркую, счастливую фотографию со свадьбы. На ней – мой Ян.

Не мой.

В идеально сидящем чёрном костюме, с гвоздикой в петлице. И рядом – улыбающаяся, сияющая незнакомка в пышном белом платье. Подпись резала глаза жирным, пафосным шрифтом: «Любовь побеждает всё! Поздравляем наших дорогих!»

Чашка выпала из ослабевших пальцев и разбилась о пол с коротким, жалким звонком. Я не почувствовала ожога от пролитого кофе.

Медленно, как в замедленной съёмке, сползла на колени, потом на пол, обхватив живот руками.

Живот, в котором уже несколько недель шевелилась новая, странная, пугающая жизнь. О беременности я узнала ещё в больнице, на второй день, когда пришли результаты анализов. Молоденькая врач, сияя, поздравила меня, сунула какую-то памятку. А я только тупо смотрела на её движущиеся губы, не в силах сложить в голове два несовместимых факта: «Он бросил меня» и «Во мне его ребёнок».

Я так и не сказала никому. Ни подругам, ни, тем более, Роману. Это была моя тайна. Мой крест. Моя последняя, незримая, ядовитая связь с Яном, который теперь был мужем этой улыбающейся незнакомки.

Я с трудом подняла телефон, ещё раз, в тысячный раз, набрала тот, выжженный в памяти номер. Поднесла к уху. Услышала длинные, монотонные гудки, которые звучали как похоронный марш.

«Абонент временно недоступен…»

Он сменил номер. Стёр меня из своей жизни полностью, тотально. Как будто меня и не было. Как будто и не было нашей любви.

Я положила ладонь на ещё плоский, ничем не выдающий себя живот.

За окном, в такт моему безнадёжному ритму сердца, назойливо стучал по подоконнику осенний дождь.

Моя жизнь навсегда разделилась на «до» и «после». А в этом «после», холодном и безрадостном, мне предстояло научиться дышать, жить и, возможно, даже любить. За двоих.

В полном, беспросветном одиночестве.

Глава 4

Воздух в квартире был густым от пыли и воспоминаний. Я больше не могла так жить. В этих стенах всё напоминало о нём: его смех, наши споры, тишина после его ухода. Я выживала на стипендию, которой едва хватало на макароны и проезд, пока он оплачивал жильё и обещал светлое будущее. Теперь это будущее досталось кому-то другому.

Из университета я вышла с заявлением на академический отпуск, сжатым в потной ладони.

Марта плакала в студенческой столовой, а я, стиснув зубы, гладила её по спине, будто утешая саму себя. Родной город манил теплом очага, где можно переждать бурю. Родители примут. Помогут. Не осудят. По крайней мере, вслух.

Хозяйка квартиры, Марина Витальевна, женщина с усталыми глазами, вздохнула: – Деточка, да что ж такое-то…

Но залог вернула. Эти деньги, пахнущие старыми кошельками и чужой жалостью, я спрятала на самое дно сумки. Теперь оставалось только ждать. Такси должно было приехать через два часа.

Я затянула очередную коробку скотчем — резкий звук разорвал тишину, как выстрел. В комнате царил хаос, достойный моей жизни: на полу — груды одежды, в углу — одинокий стул, на окне — пыльные кружева занавески, которую я так и не постирала. Я вытерла ладонью лоб, смазав капли пота и пыли. И в этот момент в дверь постучали.

«Ключи, — подумала я. — Марина Витальевна пришла за ключами».

Бездумно, не подойдя к глазку, я щелкнула замком и рывком открыла дверь, чтобы побыстрее закончить этот ритуал прощания.

На пороге стоял Роман.

Весь месяц его отсутствия я пыталась вычеркнуть его из памяти, словно ошибку на полях тетради. Его нахальный смех, влажные глаза и руки, постоянно оказывавшиеся слишком близко. Я не желала его видеть. Но мое сердце, предательское и глуповатое, в тот момент не упало, а подскочило в груди горячей, постыдной волной надежды. Роман был для меня связью. Единственной нитью, ведущей к Яну. И я все еще, как последняя наивная, верила в чудеса. Верила, что Ян одумается, вспомнит обо мне и вернется. Ведь я оставалась чиста. Я не изменяла ему и не собиралась этого делать. Я ждала.

Поэтому мои губы невольно дрогнули в подобии улыбки.

– Привет, красавица, — его голос был медовым и отвратительным. Он протянул букет дешёвых, кричаще-алых гвоздик. Они пахли морозом с улицы и затхлостью подвала. – Как ты? Не скучала?

Мое тело сжалось в один сплошной, болезненный мышечный зажим. Улыбка умерла, не успев родиться. В горле встал ком.

– Ты зачем пришел, Ром? – голос прозвучал чужим.

– Может, я соскучился, – он игриво приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло что-то хищное. – Особенно после того… поцелуя в машине. Ты же помнишь?

Вспомнила.

Его внезапную силу, запах дорогого парфюма и дешевого вина, свое оцепенение. Стыд опалил щеки.

– Мне некогда, уходи. – Я попыталась закрыть дверь, но он был быстрее. Нога в модном кожаном ботинке грубо встала в проем, блокируя движение. Дверь с глухим стуком ударилась о косяк.

– Ты одна? – Его глаза, быстрые и оценивающие, скользнули по коробкам, голым стенам, хаосу. Он присвистнул. – Ничего себе. Ремонт затеяла или просто бардак навела?

– Я уезжаю. Ясно? – выпалила я, чувствуя, как по спине бегут мурашки бессилия.

– Куда? В отпуск? – Он делал вид, что не понимает.

– Я уезжаю домой. К родителям, – произнесла я, и голос сорвался на надрыве, обнажив всю мою жалкую, детскую беспомощность. В горле запершило. Я сделала последнюю, отчаянную попытку. – У тебя есть… новости от Яна?

Он помолчал, наслаждаясь моментом. Пожал плечами, изображая легкое сожаление.

– Он женился. На какой-то… ну, достойной, короче. Порядочной, из хорошей семьи. Вроде как, – он сделал театральную паузу, впиваясь в мое лицо, – кажется она уже беременна. Похоже, они очень счастливы.

Слово «беременна» ударило в висок, как молоток. Воздух вырвался из легких со свистом. Комната поплыла, края зрения затянуло серой пеленой. Я почувствовала, как по коже, от копчика до затылка, побежали ледяные, колючие мурашки. И знакомое, предательское чувство – сладковатая тошнота подкатила к горлу.

Опять.

Всегда, когда рядом был Роман, меня рвало. Может, это и правда была аллергия? Аллергия на ложь и предательство в его лице.

– Кажется… мне дурно, – прошептала я на выдохе и, оттолкнувшись от косяка, бросилась в сторону ванной.

Я успела захлопнуть дверь, прежде чем тело изогнулось в судороге. Рвало желчью и унижением. Слезы текли сами, смешиваясь со всем этим безобразием. Я сполоснула лицо ледяной водой, видя в зеркале бледное лицо с огромными глазами. «Соберись, – приказала я отражению. – Хотя бы сейчас».

Вернувшись в зал, я увидела его. Он развалился на моем диване, единственном островке в море коробок, и листал каналы. На экране мелькали яркие, бессмысленные картинки.

– Полегчало? – спросил он, не отрывая глаз от телевизора. – Ты что, тоже беременна?

Я замерла у порога. Молчание повисло между нами, густое и звонкое. И в этот миг родилась безумная мысля. Роман — курьер. Грязный, неприятный, но единственный. Через него слово может дойти до Яна. Мое последнее слово.

Я медленно обошла диван и села на самый его край, будто на край пропасти. Сжала руки на коленях, чтобы они не дрожали, и заставила себя встретиться с его взглядом.

– Ром, – мой голос был тихим, но удивительно ровным. – Дело в том, что я жду ребенка. От Яна. Поэтому я хочу… мне нужно, чтобы ты передал ему это. Если… если получится. Понимаешь, для меня это очень важно.

Сначала на его лице застыла привычная ухмылка. Потом она стала медленно сползать, как маска. Он выключил телевизор пультом. Тишина стала абсолютной.

– Да ладно? – он хмыкнул, но в голосе уже не было уверенности. Он пристально посмотрел на меня, сканируя, ища следы лжи. – Серьезно что ли?

– Да. Серьезно. Я хочу, чтобы Ян знал. Ты можешь позвонить ему. Прямо сейчас. И передать мне трубку. Пожалуйста.

– Да… То есть, нет. Извини. Он… он запретил мне раздавать его новый номер.

– Напиши ему СМС. Сейчас. Мы подождем ответа. – Я наступила, как на минное поле.

Он вдруг резко поднялся, как ошпаренный. Его спокойствие испарилось.

– Прости, зайка, не могу. Его номер… он у меня в другом телефоне. Дома. Обещаю, – он быстро заговорил, двигаясь к двери, – как только буду на месте, сразу же ему сообщу о твоем… щекотливом положении.

– Ром… – я вскочила и, не помня себя, вцепилась в его рукав дорогой куртки. – Пожалуйста. Обещай мне, что скажешь ему о ребенке. Обещай.

Он остановился, повернулся ко мне. В его глазах смешались испуг, досада и что-то еще... и знакомый, маслянистый блеск. Он положил руку на мою, его пальцы были горячими и влажными.

– Обещаю, – сказал он неестественно серьезно. Затем неожиданно притянул меня к себе, его голос стал низким и настойчивым. – Может, поцелуемся еще раз, а?

Глава 5

Внизу, под окнами, резко и требовательно засигналила машина. Голос моего спасения. Бетонный отголосок моего бегства.

Я вырвала руку, как от прикосновения гадюки, кожу под его пальцами будто обожгло.

– У меня есть твое обещание, Ром. Больше мне от тебя ничего не нужно. Выходи. Я закрываю дверь.

Он задержался на секунду, его взгляд — тяжелый, липкий — скользнул по моей фигуре, от щиколоток до губ, будто стараясь запечатлеть, присвоить последний образ. Потом, не сказав больше ни слова, вышел в темный подъезд.

Я с силой захлопнула дверь, повернула ключ до щелчка и прислонилась к холодной, шершавой древесине лбом. Тишина после его ухода была оглушительной. И только под ладонью, прижатой к животу, чувствовался тихий, настойчивый пульс — ритм другой, новой жизни. А я только что доверила весть о ней первому встречному лжецу. Сдала в грязные, ненадежные руки свою последнюю тайну, последний козырь.

– Какая же я дура, – прошептала я себе, закусив губу до боли, до металлического привкуса крови. Отчаяние комом подкатило к горлу. Нужно было двигаться.

Я оттолкнулась от двери, вдохнула полной грудью пыльный воздух и быстрым шагом подошла к окну.

Распахнула ту самую штору, которую не успела снять, резко дернула ручку рамы. Холодный ветер ворвался в комнату, пахнущий выхлопом и сыростью. Я открыла рот, чтобы крикнуть таксисту, что сейчас выхожу… но лишь молча вздохнула. У подъезда было пусто. На месте, где должна была ждать желтая машина с шашечкой, образовалась лужа. Ни такси, ни Романа не было видно.

– Вот гаденыш, – прошипела я сквозь стиснутые зубы, сжимая подоконник так, что костяшки побелели. Он спугнул. Конечно, это он. Напугал водителя или просто сказал, что пассажирка не поедет. – Ну ничего, врагу не сдается наш грозный «Варяг».

Я схватила телефон.

Зашла в приложение. Кружок загрузки вертелся, вертелся… и показал пустую карту. «Такси поблизости нет».

Я обновляла раз за разом, пока палец не заныл. Полчаса безнадежного ожидания съели половину заряда батареи. Я профукала последнее такси. Реальность, жесткая и беспристрастная, накрыла с головой: своей машины нет, водить я не умею, до вокзала с тремя сумками и коробкой не дойти. В голове, как обломки кораблекрушения, кружились имена. Родители далеко.

Знакомые… какие знакомые?

Вся жизнь последний год крутилась вокруг учебы и Яна.

Оставалась только Марта. И ее Влад, который как раз предлагал помочь. А я тогда, из гордости, из глупого нежелания быть обузой, отказала. Теперь придется просить.

Я набрала номер, включила громкую связь и, чтобы не сойти с ума от ожидания, стала бесцельно перекладывать вещи из одной сумки в другую.

– Приветик, солнце! Ты как? Уже у родителей? – бодрый голос Марты прозвучал как глоток тепла.

– Мартуш, выручай. У меня беда, – голос мой предательски дрогнул. – Я не знаю, как доехать с вещами до вокзала. Последнее такси… один придурок по имени Роман его угнал.

– Так, спокойно, дыши. Сейчас позвоню Владу, спрошу, может ли он тебя прямо до родителей довезти? Ты сейчас дома, да?

– Ну да, – я бессильно пожала плечами, хотя она этого не видела, и судорожно сложила кофточку. – Где же мне еще быть?

Марта перезвонила через пять долгих минут.

– Влад сейчас занят, срочная работа образовалась. Можешь подождать до вечера?

– Вот же зараза, – вырвалось у меня, и я, не помня себя, погрозила кулаком в сторону окна, в пустоту, где уже час как никого не было.

– Ты это про кого? – удивилась Марта.

– Все из-за брата Яна. Из-за него у меня все проблемы… – голос дрогнул и сорвался на визг. Я тут же одернула себя, глубоко и прерывисто вдохнула. Ребенку вредно переживать стресс. Хотя какой уж там стресс…

– Ааа… Ты главное не нервничай, ладно? Вечером Влад к тебе заскочит и довезет, куда скажешь. Держись.

– Спасибо, Мартуш. Пойду тогда шторы постираю, не хочу оставлять квартиру в грязи.

– Пока, солнце! Завтра наберу, поболтаем.

Стирка штор и мытье полов превратились в странную, медитативную терапию. Я вытирала пыль, сметала сор и тщательно вымывала чужой линолеум, словно могла смыть следы своего несбывшегося счастья. Вещи у двери стояли тихо и покорно, как пленники. Я пообедала, не чувствуя вкуса, и только когда за окном окончательно стемнело, а стекла стали черными зеркалами, отражающими уютный, но уже чужой мир, я поняла: вечер наступил.

Поэтому, когда в дверь позвонили, сердце екнуло с облегчением. Наконец-то! Я, не глядя в глазок, распахнула дверь, на лице уже готовилась благодарная улыбка для Влада. И застыла.

В проеме, подсвеченный желтым светом из квартиры, стоял Роман. Он прислонился к косяку, в руке болтались ключи от машины.

– Опять ты… – вырвалось у меня хриплым шепотом. Вся кровь отхлынула от лица. – Тебе не надоело портить мне жизнь?

– Зря ты так, красавица моя, – он усмехнулся, и теперь его улыбка была еще более масляной и самодовольной, чем днем. – Я, между прочим, к тебе с новостями. От кого бы ты думала?

Холод пронзил тело. «Нет, прошу, – мелькнуло в голове. – Только не это. Остановись». Но сердце, доверчивое и наивное, уже забилось быстрее, игнорируя разум.

– От Яна? – ахнула я, и голос прозвучал тонко, по-детски. – Серьезно? Проходи! – Я, не думая, схватила его за локоть и почти втащила в прихожую, захлопывая дверь от всего мира, от правды, которую боялась услышать.

– Абсолютно серьезно, – кивнул он с важным видом, разглядывая чистую, пустующую квартиру. – Передал все Янычу. Про твою… проблему.

– Это не проблема! – огрызнулась я, инстинктивно прикрывая живот ладонями, как щитом. – Там живой ребенок. И он скоро родится.

– Ну, я так и сказал, – Роман слегка пожал плечами, изображая легкое смущение. Затем он посмотрел на меня прямо, и его глаза утратили всякую игривость. В них осталась только холодная, отточенная жестокость. – Короче. Ян счастлив в браке. У него скоро родится ребенок, законный наследник. И твой… приплод его не интересует.

Воздух вокруг словно загустел, стал вязким и тяжелым, как сироп. Я потеряла способность дышать.

– Ты врешь, – выдохнула я, чувствуя, как ноги подкашиваются, а пол уходит из-под них. Уперлась ладонью в холодную стену, чтобы не рухнуть. – Он не мог так сказать. Это же его ребенок.

– Мне кажется, он так не считает, – возразил Роман, его слова были точными и четкими, как хорошо заточенные ножи.

– Что? – Я подняла на него глаза, в которых уже стояли слезы ярости и беспомощности. – Что ты сказал?

– Что слышала! – вдруг крикнул он, сделав шаг вперед, и его лицо исказила гримаса отвращения. – Ян считает, что ребенок, которого ты носишь, – не его. Все. Мне пора.

Он резко развернулся и взялся за ручку двери. Замок щелкнул, как выстрел. Затем он оглянулся. Увидел меня, сползающую по стене, маленькую, раздавленную, с мокрым от беззвучных слез лицом. Ухмыльнулся. Широко, победоносно, наслаждаясь эффектом.

– Кстати, твое такси так и не приехало, – сказал он сладким, но ядовитым тоном. – У меня машина внизу. Может, все-таки подвезти тебя до родителей? Хочешь?

Глава 6

Медленно, с неожиданной для себя силой, я оттолкнулась от стены. Выпрямилась. Вытерла ладонью щеки, смазав слезы. Мой взгляд упал на его ботинок, уже переступивший порог моей, все еще моей, квартиры.

– Нет. Не хочу, – мой голос прозвучал низко, хрипло, но не дрожал. – Выйди. Сейчас же. И больше не приходи. Никогда.

– Ой, да ладно тебе, обиделась, – он попытался сохранить игривый тон, но в глазах мелькнуло недоумение. Он не ожидал отказа. Он думал, я сломана окончательно.

– Пошел вон, – повторила я, и теперь в голосе зазвенела сталь. Я шагнула к нему, и он инстинктивно отступил на полшага назад, за порог. – Если ты не уйдешь в течение десяти секунд, я вызову полицию. И скажу им, что неадекватный братец моего мужа преследует меня, беременную женщину, и угрожает. Уверена, Яну очень понравится такая новость. Итак, десять, девять…

Он тихо выругался, произнеся одно короткое, грубое слово. Его самоуверенная маска треснула, приоткрыв злость. Но он отступил. В его руке звякнули ключи.

– Дура упрямая. Ну и сиди тут тогда со своим скарбом, – бросил он через плечо.

– Восемь, – холодно отсчитала я и с силой захлопнула дверь перед его носом. На этот раз я не просто повернула ключ, а задвинула цепочку с глухим, решительным лязгом.

Я снова стояла, прислонившись к двери, слушая, как его шаги затихают в подъезде.

Я посмотрела на телефон. 20:17. Влад должен был быть уже здесь. Я написала Марте короткое сообщение: «Роман приходил. Выгнала. Жду Влада». Ответ пришел почти мгновенно: «Он выехал полчаса назад! Должен быть скоро!».

«Скоро» растянулось в бесконечность.

Я прибралась на кухне, вымыла посуду, пересчитала вещи у двери. Каждая минута была похожа на предыдущую, наполненную гулом тишины и нарастающей тревогой. В 21:30 я снова написала Марте.

«Все в порядке? Он сильно задерживается».

Ответа не было. Я позвонила. Марта подняла трубку на шестом гудке, голос ее звучал смущенно и встревожено.

– Зарин, прости… Влад… у него заглохла машина. Где-то на выезде из города. Он ждет эвакуатора. Он так извиняется… Он говорит, может, завтра с утра?

У меня перехватило дыхание. Не от злости на Влада, нет. От полного, абсолютного краха всех планов. Вселенная, казалось, сговорилась оставить меня здесь, в этой пустой клетке, наедине с призраками.

– Понятно, – сухо ответила я. – Ладно. Не страшно.

– Ты уверена? Может, я приеду, побуду с тобой?

– Нет-нет, Мартуш, не надо. Я… я уже ложусь спать. Устала. Разберусь утром.

Мы распрощались.

Тишина снова поглотила меня, но теперь она была другой — тяжелой, безнадежной, как свинец. Я отключила телефон, чтобы не смотреть в пустой экран и не ждать звонка или смс.

Я все еще надеялась, что Ян мне напишет. После сегодняшних слов от Романа, я была уверена, что мы поговорим. Но видимо моя надежда умерла давно и безнадежно.

Я распахнула спальник на голом матрасе, оставленном хозяйкой. Стояла апрельская ночь, в квартире было холодно и сыро. Я надела поверх пижамы два свитера, залезла в спальник и укрылась сверху всем, что было: легким осенним пальто и пледом в веселых цветах, который когда-то покупала с Яном на распродаже.

Спала я урывками, просыпаясь от каждого шороха в подъезде. Тошнота, верный спутник этих недель, подкатывала к горлу от тревоги и усталости. Я гладила еще плоский живот в темноте, там, где спал мой крошечный, неощутимый пока союзник, и шептала:

– Все хорошо. Мы справимся.

Но сама не верила своим словам.

Утро пришло серое, в слепых окнах. Я встала закоченевшая, с тяжелой головой и негнущейся спиной. Включила телефон — ни пропущенных вызовов, ни сообщений от Влада. Просто тишина.

Я вскипятила чайник, сварила себе пакетик супа, чувствуя себя Робинзоном на необитаемом острове и села на холодную табуретку.

– Пишешь адрес: Никуда. Безнадега. ру, – пропела я песню любимой группы и вздохнула.

И тогда в дверь снова постучали. Тихо, но настойчиво. Сердце упало. «Опять он», – промелькнула единственная мысль. Я подкралась к двери и, превозмогая страх, посмотрела в глазок.

В искаженном «рыбьем» стекле я увидела незнакомое мужское лицо. Пожилое, усталое, в очках. Рядом — знакомый силуэт Марины Витальевны, хозяйки.

Я открыла дверь, не отпуская цепочку.

– Здравствуйте, – тихо сказала я.

– Доброе утро, деточка, – Марина Витальевна выглядела виноватой. – Это мой муж, Виктор Петрович. Мы… мы видели вчера, как ты вещи собирала, и тот тип у подъезда крутился. Я переживала. Потом вчера вечером увидела, что свет у тебя еще горит… Решили проверить. Все в порядке?

Я распахнула дверь шире, отпустив цепочку. В их простых, озабоченных лицах не было ни капли зла или расчета.

– Такси не приехало, – просто сказала я, и голос снова предательски задрожал. – Помощь подвела. Я… я здесь застряла.

Виктор Петрович молча заглянул за мою спину, увидел скромные пожитки у двери, спальник на полу.

– Так, – буркнул он. – Марина, ставь чайник, да завари чаю покрепче. А ты, девушка, собирайся. У меня «газель» во дворе. Старенькая, но еще ни разу не подводила. До родителей довезем. Бесплатно, не спорь. Нам по пути – на дачу надо кое-что отвезти.

И пока Марина Витальевна хлопотала на моей же кухне, заваривая чай в моей кружке, ее муж, не говоря лишних слов, взял две самые тяжелые сумки и потащил их вниз.

Через полчаса я сидела в кабине старой, пропахшей бензином и табаком «газели». На коленях у меня дымилась кружка с крепким сладким чаем.

– Ну что поехали?

Я кивнула и довольно улыбнулась.

– Да. Поехали.

Глава 7

Дорога растянулась серой лентой асфальта, уводящей от всего, что было больно. «Газель» тряслась на ухабах, а ее шум стал почти успокаивающим, как будто кто-то тихо напевал колыбельную.

– Долго еще ехать, Виктор Петрович? – спросила я, глядя в окно на проплывающие мимо голые апрельские поля.

– Часа полтора, не меньше, – буркнул он, не отрывая глаз от дороги. – Свернем чуть позже, на Мельничную, Марине ящики с рассадой отвезти надо. Ты не против? Мы быстро.

– Конечно нет, – искренне ответила я. – Вы мне так помогаете, я вам всю жизнь буду благодарна.

– Да брось ты, – отмахнулась с пассажирского сиденья Марина Витальевна. – У меня дочка твоих лет. Представляю, если б с ней такое… – она не договорила, вздохнула и стала расспрашивать о родителях, о доме.

Мы говорили о простых вещах: про то, что мама, наверное, уже печет пироги, про то, что весна в этом году пришла поздно, про то, как дорого стоит бензин. Эти обычные разговоры помогали мне успокоиться. Они словно заживляли раны, которые остались после злых слов Романа. Я даже немного расслабилась, слушая, как тихо гудит мотор и как спокойно разговаривают мои друзья.

Свернув на грунтовку, мы вскоре остановились у аккуратного домика с палисадником. Виктор Петрович быстро, ловко, как заправский грузчик, перетащил несколько деревянных ящиков с яркой зеленью на крыльцо. Марина Витальевна сбегала в дом, вернулась с банкой домашнего варенья.

– На, деточка, малиновое. С теплым чаем – лучшее лекарство от грусти.

Я благодарно улыбнулась, прижимая теплую банку к себе. Казалось, мир потихоньку возвращает краски.

Через полчаса мы снова были на трассе. Чтобы сэкономить путь, Виктор Петрович свернул на заправку на выезде из соседнего поселка – заправиться и проверить давление в шинах.

– Сиди, не вылезай, одна нога здесь – другая там, – сказал он, выходя.

Я сидела в машине и смотрела, как он возится с насосом. Пахло бензином, влажной землей и прелыми листьями. Я ни о чем не думала и чувствовала, как усталость постепенно накрывает меня. Вдруг я заметила человека у маленького магазинчика на заправке.

Сердце вдруг остановилось, а потом застучало так сильно, что в ушах зазвенело. Я невольно наклонилась вперед, словно окаменела. Я вытерла запотевшее окно рукой и прижалась к нему лицом.

Нет, этого не может быть. Это, наверное, просто кажется. Из-за усталости, нервов и бесконечной тоски.

Но нет. Тот же поворот головы, та же манера чуть сутулиться, поправляя очки. Та же темная куртка. Ян.

Без мысли, без крика, одним инстинктивным движением я дернула за ручку тяжелой двери «газели».

– Эй, куда?! – донесся оклик Виктора Петровича.

Но я уже выпрыгнула на асфальт, спотыкаясь, не чувствуя под собой ног. Воздух заправки был густым от запаха бензина и выхлопов. Я бежала, не видя ничего вокруг, кроме этой спины у прилавка в застекленной будке.

– Ян! Ян, стой!

Мужчина обернулся. И мир, который на секунду сжался в одну точку надежды, с грохотом разлетелся на осколки. Незнакомые глаза, удивленные и немного испуганные, смотрели на меня из-под похожих очков. Другое лицо. Совсем другое.

– Девушка? Вам плохо? – спросил он.

Я попятилась, тряся головой. Слова застряли комом в горле, превратившись в беззвучный стон. Слезы хлынули ручьем, жгучие, постыдные, смывая последние остатки сил. Я обхватила себя руками, пытаясь удержать эту дикую, рвущуюся изнутри дрожь.

Кто-то крепко взял меня под локоть. Виктор Петрович. Он молча, без лишних слов, развернул меня и повел обратно к машине. Марина Витальевна уже ждала у открытой двери, ее лицо было перекошено беспокойством.

– Ох, деточка, родная… – только и смогла выдохнуть она, усаживая меня на место и укутывая пледом, который я сбросила.

Я не могла говорить.

Я просто смотрела в окно, по щекам текли слезы, тихие и бесконечные. Виктор Петрович завел двигатель, и «газель» тронулась, увозя меня от призрака, который я сама же и создала из отчаяния.

Два часа в дороге прошли в оцепенении. Я не видела ни леса за окном, ни проносящихся мимо поселков. Я видела только его лицо — то, настоящее, со смеющимися глазами, и то, чужое, с недоумением. Они накладывались друг на друга, создавая мучительную внутреннюю бурю в душе.

Когда машина наконец свернула на знакомую улицу и подкатила к родительскому дому, я почувствовала не облегчение, а лишь новую волну стыда. Вот оно, мое триумфальное возвращение. Беременная, брошенная, в сопровождении пожилых чужаков на ржавой «газели».

Но дверь распахнулась, и на крыльцо выбежала мама. Ее лицо, мгновенно ставшее мокрым от слез, было самым красивым, что я видела за последние месяцы. Она не стала спрашивать, не читала нотаций. Она просто обняла меня так крепко, как будто хотела защитить от всего мира своим телом.

– Доченька моя… Наконец-то ты дома.

Папа стоял позади, суровый и неподвижный, как скала. Но в его глазах, прищуренных от нахлынувших чувств, я прочла ту же бездонную боль и ту же готовность стать щитом.

Мама превратилась в ураган заботы. Через десять минут на кухне стоял дымящийся самовар (она достала его, как для самых дорогих гостей), пахло жареной картошкой с грибами и домашними соленьями. Она усадила Виктора Петровича и Марину Витальевну за стол, засыпала их едой и благодарностями, от которых те смущенно отмахивались.

– Да мы ничего, что вы…в самом деле. Просто по-человечески.

Потом отец молча помогал мне заносить вещи в мою старую комнату, где все осталось так, как было в мои шестнадцать. Когда последняя сумка оказалась внутри, он закрыл дверь и обернулся ко мне. Его лицо было усталым.

– Ну, Зарин. Кажется все… ты дома.

Я кивнула, глотая ком в горле.

– Пап, прости…

– Молчи, – он отрезал жестко, но не зло. – Слышал я уже эти «прости». Вижу я все. Видел и того козла у подъезда вчера, когда звонил Марине Витальевне узнать, сдала ли ты ключи. Она-то мне все и рассказала.

Я раскрыла рот от изумления. Значит, это не простое совпадение…

– Жизнь свою нужно устраивать, дочь. Не трать время на призраков. Ян – это прошлое, тяжелое и горькое. Забудь его. Вычеркни из головы. И для себя, и для малыша, – он кивнул на мой живот. – Я найду тебе мужа. Настоящего мужика, который не сбежит, будет хорошим отцом и опорой. Доверься мне. И никому больше. Поняла меня? Отвечай!

Глава 8

Шесть лет спустя

То, что отец называл «настоящим мужиком», оказалось Василием. Он был широк в плечах, тих и на первых порах казался надежным, как скала. Отец одобрил: «Рабочие руки, не пьет, не бьет. Чего тебе еще?»

А чего мне было еще хотеть? Я была сломленной, беременной и с незаконченным образованием. Василий стал моей соломинкой, за которую я ухватилась.

Мой гражданский муж – мужчина, чья жизнь, казалось, остановилась на уровне простейших функций: работа (грузчиком на складе), еда, сон. Он не пил, не бил, не орал. Он был тихим, как пыль на мебели в нашей съемной двушке. И таким же незаметным.

Родив Яночку, я взяла себя в ежовые рукавицы.

Заочно, ночами, с грудным ребенком на руках, я окончила университет. Не для престижа. а чтобы выжить. Устроилась в родную сельскую школу учителем литературы. И не просто учителем. Я вцепилась в работу, как в спасательный круг. Мои уроки стали событиями. Я возила детей в музеи, ставила с ними спектакли, выбивала гранты на новую библиотеку. В этом году меня признали «Учителем года» в районе. И позвали в областной центр — на торжественную церемонию в большом зале филармонии.

Для меня это был не просто выезд. Это был полет. Первый за шесть лет. Я сшила себе простое, но элегантное черное платье. Оставила Яну с мамой и посадив себя на автобус, почувствовала себя Золушкой, едущей на бал. Пусть и в казенную гостиницу при министерстве.

Автобус катился по трассе, и за окном мелькали все те же бесконечные поля, только теперь позеленевшие от первой майской травы. В салоне пахло бензином, пылью и яблоком от соседки – пожилой женщины, которая, узнав, что я еду «на награждение», тут же принялась угощать меня пирожками.

— Молодчина, девочка! – говорила она, глядя на меня влажными, добрыми глазами. – В наше время столько возможностей. Ты только гляди, не прозевай свою удачу в городе. Может, и жениха хорошего присмотришь.

Я улыбалась, кивала, но внутри все сжималось. Жениха? У меня есть Василий. Мужчина, которого жизнь, кажется, давно перестала удивлять. Его существование измерялось тяжелыми шагами в прихожей, звуком телевизора и тихим «спокойной ночи». Мы не расписывались — «зачем бумажки, и так все ясно». Он не пил, не бил, не орал. Он был… тишиной. Тишиной, в которой так звонко слышно, как утекают годы.

Но сегодня я вырвалась из этой тишины.

Я – Зарина Синицына и я лучший учитель года.

Я сидела в автобусе в новом, сшитом своими руками черном платье и смотрела, как приближается город. Не мой родной, а областной центр – место, где шесть лет назад закончилась моя прежняя жизнь и началась эта.

Сердце билось чаще, когда мы въехали в поток машин, в суету перекрестков, в ритм, которого мне так не хватало в нашей спящей глубинке. Я смотрела в окно на людей – они спешили на работу, с работы, за покупками, на свидания. В этой энергии, в этом гуле была жизнь. Настоящая, кипучая, которой я была лишена.

Церемония в филармонии прошла как сон.

Блеск, музыка, вспышки фотокамер. Когда мне вручали хрустальную статуэтку, я поймала на себе десятки взглядов. Удивленных, оценивающих, заинтересованных. Среди солидных, умудренных сединами коллег я была молодой, слишком молодой.

И, как с некоторым удивлением поняла, красивой.

Элегантное платье, собранные в низкий пучок волосы, горящие от волнения глаза — все это притягивало внимание. За фуршетом ко мне подошел немолодой, но очень представительный мужчина из министерства, долго жал руку, говорил комплименты о «свежих силах в образовании».

Он смотрел на меня не как на коллегу, а как на женщину. Потом был молодой журналист, который настойчиво просил интервью «для личного блога» и пытался узнать, свободна ли я. Я отшучивалась, краснела, чувствуя себя одновременно польщенной и неловко. Эти взгляды, это внимание были непривычной, опьяняющей вакциной против шести лет невидимости рядом с Василием.

К вечеру я устала от этого праздника. От чужих лиц, от необходимости все время улыбаться. Я мечтала о тишине, но не о домашней, а о простой возможности скинуть туфли и выдохнуть. Гостиница при министерстве была роскошной и безликой. Войдя в прохладное, выстланное мрамором лобби, я направилась к лифтам. И тут мой взгляд упал на стойку администратора.

За ней, склонившись над бумагами, сидела женщина в строгой белой блузке. У нее были аккуратно собранные волосы и профиль, который я узнала бы из тысячи. Даже через шесть лет. Даже когда она была всего лишь силуэтом под мягким светом лампы.

— Марта? – имя сорвалось с моих губ прежде, чем я успела подумать.

Она вздрогнула и подняла голову. Увидела меня. Сначала в ее глазах мелькнуло непонимание, затем – шок. Она медленно встала, и я увидела ее: усталое, повзрослевшее лицо, безупречный, но безрадостный макияж, фирменный бейджик на груди. Марта. Моя Марта, которая грезила о Париже и карьере дизайнера интерьеров.

— Зарина? – ее голос прозвучал хрипло, почти неузнаваемо. В нем не осталось ни капли прежней, раскатистой звонкости. – Боже… Это правда ты?

Она выглядела ошеломленной и немного смущенной. Ее пальцы нервно теребили край блузки, взгляд метался от моего лица к моему платью, к сумке, из которой выглядывала хрустальная статуэтка в подарочной упаковке.

— Да, это я, – улыбнулась я, чувствуя, как странно снова говорить с ней. Как будто наткнулась на ожившую фотографию из прошлого. – Я здесь на награждении. Учителем года. А ты… ты здесь работаешь?

— Да, – кивнула она, слишком быстро, и поправила несуществующую прядь волос. - Уже… несколько лет. Администратором дневной смены. – Она говорила сдержанно, по-деловому, но я видела, как колотится жилка у нее на шее. – Поздравляю с наградой. Это… это серьезно.

— Спасибо, – сказала я. Неловкая пауза повисла между нами, густая и тягучая, как патока. Столько лет, столько несказанного. И теперь мы стояли по разные стороны стойки, как по разные стороны жизни. Я – гостья в вечернем платье, она – сотрудник в униформе. – Как… как вообще жизнь? Давно не виделись.

Марта опустила глаза, будто изучая график заездов на мониторе.

— Да нормально, живее некуда, – отмахнулась она шаблонной фразой. – Работа, дом. Все как у людей.

— Замужем? – спросила я, пытаясь пробить эту стену вежливости.

Она снова вздрогнула, будто вопрос был не о замужестве, а о чем-то криминальном.

— Нет. То есть… были отношения. Не сложилось. – Она резко подняла на меня взгляд, и в нем на секунду мелькнуло что-то похожее на старую, доверительную теплоту, тут же погасшее. – А у тебя? Я слышала… у тебя дочка.

– Да, Яночка, шесть лет. Красавица и умница, – с гордостью сказала я, и на мгновение напряжение спало.

— Яночка.., – Марта улыбнулась, но улыбка получилась кривой, вымученной. – Здорово. Рада за тебя.

Еще одна пауза. Она явно нервничала, поглядывала на часы, на вход.

— Слушай, Март, – начала я осторожно. – Может, встретимся? Выпьем кофе, пока я здесь? Столько лет…

Она покачала головой, и в ее движении было что-то паническое.

— Я… я не могу. У меня смена. Да и… – она запнулась, снова глянула на дверь, словно боялась, что ее вот-вот застукают. – Знаешь, лучше не надо. Прошлое… оно осталось в прошлом. Удачи тебе, Зарин. И поздравляю с наградой еще раз.

Она отвернулась, сделав вид, что погрузилась в работу на компьютере. Разговор был окончен. Так резко и безапелляционно.

– Спасибо, – прошептала я и развернувшись пошла в сторону лифтов. Я еще раз обернулась и увидела, что Марта бросила на меня тоскливый взгляд, а потом полностью погрузилась в работу.

Поднявшись в номер, я подошла к окну. Город сиял внизу, холодный и чужой. И где-то там, в этом сиянии, была моя подруга, которая не захотела со мной пить кофе. Которая испугалась. И это было страшнее, чем любое равнодушие. Потому что страх всегда имеет причину. И я, похоже, сама того не желая, только что наткнулась на край этой причины.

Глава 9

Я проснулась от резкой почти нестерпимой боли в голове. Не от шампанского или вина – я его не пила. От переизбытка всего: блеска, чужих взглядов, приторного сока и этой странной встречи с подругой из прошлого. Боль раскалывала череп изнутри, пульсируя в висках. В минибаре нашлись лишь конфеты и вода за космические деньги.

Я залезла в свою сумку, в надежде найти хоть что-то, но там только тетради и косметичка. Таблетки никогда с собой не носила и тут не удосужилась.

Пришлось спускаться на ресепшн.

Я накинула белоснежный гостиничный халат, сунула ноги в одноразовые шлепки и вышла из номера.

Войдя в лобби, я мгновенно замерла. За стойкой администратора, в приглушенном свете ночных ламп, сидела Марта. Я машинально взглянула на часы: без пятнадцати полночь. Она говорила, что у нее дневная смена. Неужели, снова обман?

Я хотела было подойти и пожелать ей доброй ночи, но замерла, потому что, в тот же миг стеклянная дверь гостиницы распахнулась, впуская ночную прохладу и... его.

Романа Бородина. Брата того, кого я когда-то любила больше жизни.

Сердце упало куда-то в пятки, застыло, а потом заколотилось с такой силой, что шум в ушах перекрыл даже пульсирующую боль. Он почти не изменился. Только взгляд стал жестче, а в манере двигаться появилась наглая уверенность разбогатевшего человека. Дорогое пальто, рубашка, стрижка, говорящая о внимании стилиста.

Марта вздрогнула, увидев его, и вся сжалась. Не было радости, усталой улыбки после долгого дня. На ее лице застыл чистый, неконтролируемый ужас. Она метнула взгляд по сторонам. Я инстинктивно рванулась назад, за тяжелую портьеру, сердце колотилось где-то в горле.

— Чего такая кислая? – спросил Роман. Его голос был тихим, но жестким, как удар хлыста. – И не встречаешь любимого мужчину?

– Ром, перестань, у меня еще смена не закончилась. Уходи.

– Уходи?! Куда я должен уйти? – он раскинул руки и обернулся, словно пытаясь понять, куда ему пойти.

– Так получилось, что мне пришлось остаться и на ночную смену тоже. Валя заболела.

– А мне плевать на то, что какая-то Валя заболела! – Зарычал он и его глаза как будто наполнились кровью. – Сегодня среда, а по средам у нас в программе обязательный трах.

– Я помню, просто…

Он не дал ей закончить, а лишь выставил руку вперед.

– Я прождал тебя в отеле напротив сорок долбанных минут.

— Я... я не могла, Ром. Смена еще не закончилась, – ее голос звучал тихо и виновато.

— Смена? Плевать я хотел на твою Валю и твои смены, – он фыркнул. Подошел к стойке, оперся на нее руками и вторгся в ее личное пространство. – Кстати, хотел предупредить, я Макса забрал.

— Да, спасибо, что... что взял его на выходные.

— Не за что. В конце концов, он и мой сын тоже, – сказал Роман с явным цинизмом. Я заметила, как Марта побледнела еще сильнее. Значит, правда. Ребенок от него. Этот подонок...

— Деньги принесла? – спросил он, опустив голос еще ниже.

Марта кивнула, судорожно открыла ящик стола и вынула конверт. Ее руки дрожали. Роман ловко перехватил его, быстрым движением засунул во внутренний карман куртки, даже не заглянув внутрь.

— Мало, – бросил он. – На следующей неделе в два раза больше принесешь. У Сереги дела на стройке идут хорошо, как я слышал. Пусть делится. Или хочешь, чтобы он узнал, кто

на самом деле отец его «сына»? Или чтобы твоя Золушка, которую я сегодня видел в зале на награждении, тоже все пронюхала?

Меня будто окатили ледяной водой. Он видел меня! И он шантажирует Марту, пользуясь ее тайной. Сережа, ее муж или сожитель, думает, что Максим его сын. А Роман вымогает деньги, угрожая раскрыть правду.

— Ром, нет... пожалуйста, – ее голос сорвался на шепот-мольбу. – Я все сделаю. Только не надо...

— Значит, сделаешь, – безразлично отрезал он. – И еще кое-что. Ян вернулся.

В лобби повисла такая тишина, что я услышала, как где-то тикают часы. Марта застыла, будто ее превратили в статую. Мое собственное дыхание перехватило. Я тоже перестала дышать. Ян вернулся.

— Вернулся? Зачем? — прошептала она.

— Зачем, зачем? Почем я знаю. В городе он. Встречается с инвесторами под какой-то свой новый проект. Успешный, блин, архитектор, – в голосе Романа зазвучала знакомая, едкая зависть. – И он спрашивает. О Зарине. Говорит, пытался найти, но она будто сквозь землю провалилась.

Кровь бросилась мне в лицо, а потом отхлынула, оставив ледяную пустоту. Он искал меня? После всего, что случилось?

— Ты... ты ничего ему не сказал? – голос Марты был полон паники.

— А что сказать, Мартуша? – Роман язвительно усмехнулся. – Что ты, ее лучшая подруга, шесть лет притворялась, что не знаешь, где она? Что ты мне помогала ее выживать из города своими сплетнями тогда, после его отъезда? Что ты знала, что я врал ей про его беременную жену, и промолчала? О чем из этого ему рассказать первым?

Мир перевернулся.

Ноги подкосились, и я едва удержалась, ухватившись за стену и плотную штору. Голова гудела уже не от боли, а от чудовищного открытия.

Марта.Все это время знала. Она помогала ему. Она была не жертвой обстоятельств, а... соучастницей.

— Он все равно узнает, — прошептала Марта, и в ее голосе послышались слезы. – Если он уже ищет...

— Пусть ищет, – Роман оттолкнулся от стойки, его лицо стало жестким. – Но наша с тобой договоренность остается в силе. Никаких лишних разговоров. Ты молчишь о том, что было тогда. А я молчу о твоем Максе. И о твоей роли во всем этом. Поняла? Если Зарина всплывет и начнет болтать... Тебе будет хуже, чем ей. Потому что тебе есть что терять. А у этой училки года, – он презрительно хмыкнул, – только какая-то деревенская школа.

– Деревенская школа, – процедила сквозь зубы, – ну я вам покажу училку года! Вы у меня еще попляшете.

Глава 10

На следующее утро голова была тяжелой, но ясной. Ясной от ледяной решимости. Я позвонила Марте – молчание. Написала СМС с требованием встречи – она не ответила. Моя бывшая подруга спряталась. Но теперь я знала, где искать. Не ее конечно же. Я знала, где искать Яна. Он вернулся, он был в городе и он искал меня.

Церемонии и банкеты были закончены.

Мне нужно было вернуться домой – к дочери, любимым ученикам и привычной тишине, которая сопровождала меня много лет. Я быстро собралась, надела платье, взяла сумку с вещами и аккуратно положила статуэтку в коробку. Перед тем как уйти, я оглядела номер – место, где я узнала слишком много.

Я спустилась на ресепшен, но Марты за стойкой уже не было. Видимо, ее смена все же закончилась. Ну что ж, эта встреча с прошлым была неожиданной и очень продуктивной. Я многое узнала, поняла и осознала, что мое сердце все еще что-то чувствует.

На улице пахло городом: бензином, свежей выпечкой из соседней кофейни и утренней суетой. Я поймала взгляд швейцара у дверей.

— Такси до вокзала, пожалуйста.

Он кивнул, присвистнул, и через минуту к подъезду подкатила серебристая иномарка. Швейцар открыл мне дверь. Я уже собралась сесть, как вдруг с другой стороны улицы, из только что остановившегося такси, вышел ОН.

Время замедлилось, звуки приглушились. Он вышел, отвернувшись, что-то доставая из кармана, чтобы расплатиться с водителем. Та же осанка, тот же наклон головы, знакомый до боли силуэт в темном пальто. Ян. Не призрак, не галлюцинация. Плотный, живой, настоящий. Воздух вырвался из моих легких со свистом.

«Нет, – пронеслось в голове. – Не сейчас. Я не готова».

Сердце предательски забилось в унисон с тем старым, забытым ритмом. Вместо того чтобы крикнуть, я рванула в салон такси, как в укрытие.

— Поехали, быстро, пожалуйста! – выпалила я водителю, не глядя на него, уставившись в стекло, за которым стоял он.

Машина тронулась. И в этот миг Ян обернулся. Его взгляд скользнул по отъезжающему такси, по заднему стеклу… и встретился с моими глазами. Широко распахнутыми, полными шока, боли и шести лет накопленных вопросов.

На его лице отразилось сначала недоумение, затем – мгновенное, ослепительное узнавание. Оно было таким ярким, таким обжигающе искренним, что меня кольнуло в самой глубине души.

— ЗАРИНА! — его голос, приглушенный расстоянием и стеклом, но все равно такой знакомый, пробился сквозь городской гул.

Он сделал несколько нелепых шагов вперед, замер, а потом бросился вдогонку. Не как герой мелодрамы, а как человек, увидевший последний поезд, который вот-вот уйдет. Он бежал по тротуару, его лицо было искажено невероятным усилием, рука взметнулась вверх, словно пытаясь остановить неумолимое движение.

— СТОЙ! ЗАРИНА, СТОЙ!

— Водитель, остановитесь! – закричала я, вцепившись в подголовник переднего сиденья. – Пожалуйста, остановитесь! Это мой… это знакомый!

Водитель, мужчина лет сорока с усталым лицом, лишь покачал головой, не оборачиваясь. Говорил с сильным акцентом.

— Нет-нет, гражданочка. Останавливать нельзя. Вон знак видите? Остановка запрещена. Там мост скоро. Полиция штрафует. Очень большой штраф. Не могу.

— Но он же бежит! Я заплачу за штраф, мне все равно, – голос мой сорвался на истеричную ноту.

Я обернулась. Ян уже отставал, его фигура уменьшалась. Он все еще махал рукой, его рот был раскрыт в беззвучном, отчаянном крике.

— Невозможно, – упрямо, почти злобно процедил водитель, прибавляя газу. Машина резко рванула вперед, въезжая на мост. – Правила! Вы не в деревне, девушка.

Я прильнула к стеклу, уже ничего не видя, кроме размытого пятна, которое было им, и которое таяло с каждым метром, с каждой секундой. Последнее, что я различила, – как он остановился, опустив руки, и просто стоял посреди тротуара, сгорбившись, пока моя машина увозила меня прочь. Снова.

Только теперь мы поменялись местами. Теперь Ян за мной бежал, а не я за ним. И как и в прошлый раз, мы не встретились. Судьба снова нас развела.

Слезы хлынули ручьем, тихие, горькие, бессильные. Я проиграла. Снова. Всего несколько секунд, несколько метров асфальта и упрямство чужого человека вновь разлучили нас. В салоне пахло дешевым дезодорантом и чужим горем.

Я сжала в руке телефон. У меня не было номера Яна. У него не было моего. Город, только что казавшийся полным возможностей, снова превратился в гигантскую, бездушную ловушку.

Но в этой сильной боли, среди слез, я не отчаялась. Я разозлилась. Сильно и без жалости. Роман, Марта, этот глупый водитель и сама жизнь — все они снова пытались заставить меня делать то, что им нужно. Они хотели отобрать у меня то, что принадлежит мне.

Я вытерла лицо ладонью, резким движением. Посмотрела на коробку с хрустальной статуэткой на соседнем сиденье. Символ моей борьбы, моей самостоятельности.

– Нет, – прошептала я в тишину салона. – Хватит бежать. Хватит терять.

Я достала телефон и открыла браузер. Медленно, четко, через силу, набрала в поисковой строке: «Архитектурное бюро Ян Бородин», телефон. А затем набрала номер и стала слушать гудки, пока не услышала его голос.

– Алло…

Глава 11

– Алло, это ты? Ян! – выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Извините, но вы ошиблись, – мужской голос оказался иным, даже не похожим на голос моего бывшего возлюбленного. И от этого мне стало жутко не по себе.

– Мне… нужно связаться с Яном Бородиным.

– Ян Викторович в настоящее время находится на деловой встрече. Он будет недоступен до конца дня. Могу я принять сообщение или переключить вас на его заместителя?

Важная встреча. Инвесторы. Конечно. Его мир вращался с бешеной скоростью, в то время как мой застыл шесть лет назад. Меня охватила дикая, нелепая ревность – к этим неизвестным инвесторам, к его деловой жизни, к которой у меня не было ключа.

Мир успешных архитекторов не стоял на месте, ожидая, когда я соберусь с духом и позвоню.

— Нет, спасибо. Я… перезвоню позже.

Я положила трубку, чувствуя себя идиоткой. Что я хотела сказать?

«Привет, это я, та, которую ты бросил беременной, а твой брат и моя подруга шесть лет скрывали от тебя правду. Давай встретимся?»

Глупость какая-то.

Я выключила телефон и убрала его в сумку.

Дорога домой в автобусе растянулась в бесконечную, унылую полосу. Поля, леса, придорожные кафе – все казалось серым и плоским после яркой, ядовитой вспышки встречи.

Я заняла место у окна, прижав коробку со статуэткой к себе. Она была холодной и неудобной, как и моя победа.

Автобус наполнился привычным гулом, запахом бензина, пыли и чужой жизни. Рядом со мной уселась пожилая женщина с сеткой, полной банок с соленьями.

— Далеко едете, милая? — спросила она, устроившись поудобнее.

— До райцентра, — ответила я, пытаясь улыбнуться.

— Ох, и я туда же. К внучке. Она у меня учительницей работает, в школе, — женщина с гордостью выпрямилась. — А вы, простите, кем будете?

Вопрос, простой и житейский, повис в воздухе. Кем я была? Учителем года? Матерью-одиночкой? Женой без мужа? Призраком из прошлого для человека, который сейчас, наверное, пьет кофе с инвесторами?

— Я… тоже учитель, — наконец выдавила я.

— Да что вы! — лицо соседки озарилось искренней радостью. — Сложная нынче работа, детки разные пошли. Неблагодарные. А вы, я гляжу, молоденькая еще. Замужем?

Этот второй, неизбежный вопрос прозвучал как удар под дых.

— Да… замужем, — солгала я автоматически, глядя в запотевшее стекло, за которым плыли серые поля.

— И детишки есть?

— Дочка. Шесть лет.

— Счастливица вы, — вздохнула женщина с легкой завистью. — Муж любит, детка растет, дело у вас благородное. Живите да радуйтесь.

«Живите да радуйтесь».

Эти простые, душевные слова обожгли меня сильнее любой насмешки. Она видела картинку: молодая женщина, у которой «все есть». А я видела реальность: пустоту в месте, где должен быть муж, и чужого мужчину, бегущего за такси в отчаянии.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя, как комок подкатывает к горлу.

Женщина, удовлетворенная беседой, достала вязание. А я уткнулась лбом в холодное стекло. Запотевший круг, в котором отражалось мое искаженное лицо, стал экраном. На нем снова и снова проигрывался тот момент: его глаза, широко распахнутые от шока, его рука, тянущаяся вперед, его беззвучный крик. Это был не просто жест. Это была мольба.

Он хотел меня остановить.

Эта мысль, яркая и болезненная, пронзила все внутри, вытесняя на время леденящее предательство Марты и Романа. Он не просто случайно увидел. Он узнал и он побежал за мной.

Заветная статуэтка в сумке не радовала. Она казалось чужим трофеем, не имеющим отношения к той внутренней войне, что бушевала у меня в душе.

Дом.

Это слово теперь не несло тепла. Оно означало тесную кухню, запах вчерашних щей и молчаливого Василия, который в этот момент, наверное, сидел перед телевизором. Я вошла, и меня обняла Яночка, пахнущая красками и детством. Ее объятия были единственным якорем в этом шторме.

— Мама, ты привезла мне подарок из города? — спросила она, заглядывая в сумку.

— Привезла, солнышко, — я вынула купленного в спешке плюшевого зайца. Ее восторг был таким чистым и безоговорочным, что на глаза снова навернулись предательские слезы. Я видела в них себя — маленькую, верящую в чудеса. Чудеса, которых так и не случилось.

Василий вышел из комнаты, кивнул.

— Ну как дела, героиня? — спросил он без особой интонации.

— Нормально, — выдохнула я, отвернувшись к плите, чтобы скрыть дрожь в руках. В его простом вопросе не было ни капли ревности, подозрения или даже простого любопытства. Он просто спросил. И в этой безразличной безопасности было что-то невыносимое.

Ночью я не спала. Лежала рядом с храпящим Василием и смотрела в потолок, залитый синим светом уличного фонаря. В голове крутился кадр: он бежит. Бежит за мной. Его лицо, искаженное отчаянием, было настоящим. Это не был сон или фантазия. Он хотел меня остановить. Он хотел.

А потом всплывали другие лица. Марта, бледная от страха. Роман, с его ядовитой усмешкой. Их слова сплетались в удушающую петлю предательства. Они украли не только время. Они украли право на объяснение. На «прости». На «я не знал».

На следующий день, отправив Яну в сад и проводив Васю на работу, я снова набрала номер.

— Бюро «Бородин и партнеры», помощница Анна слушает.

— Это… это снова я. То есть… простите. Можно услышать Яна Бородина?

— Господин Бородин сегодня на объекте. Он вернется только завтра. Могу я ему что-то передать?

«Передай, что это Зарина. Что я жива. Что у него есть дочь. Что его брат — подонок, а лучшая подруга — предательница».

Слова рвались наружу, горячим, горьким комом.

Но я лишь вежливо отказалась и положила трубку. Он был неуловимым призраком из моего прошлого, который продолжал ускользать даже сейчас, когда мы были рядом.

Я опустила голову на кухонный стол. Отчаяние, холодное и липкое, подползало к горлу. Я снова была в своей клетке. В клетке тишины с Василием, в клетке школьных коридоров, в клетке этого городка, где все знали учительницу Зарину Синицину и никто не знал девушку, которую когда-то любил блестящий архитектор Ян Бородин.

И тогда я подняла голову.

Взгляд упал на коробку со статуэткой, которую я поставила на полку. «Учитель года». Я не сдалась тогда, в восемнадцать, одна с ребенком под сердцем. Я вытащила себя сама. Закончила учебу, построила карьеру, вырастила дочь. Я выиграла свою битву с тишиной и забвением.

А теперь сдаюсь из-за секретарши и собственного страха?

Медленно, очень медленно я выпрямилась. Вытерла ладонью мокрое от слез лицо. Подошла к зеркалу в прихожей. В отражении смотрела на меня не жертва. Смотрела женщина с жесткой линией губ и глазами, в которых тлел не погасший до конца огонь. Та самая, что выгнала Романа и выстояла против всего.

Завтра он будет в офисе. С одиннадцати.

Я взяла телефон и открыла календарь. Завтра у меня после третьего урока окно. Ровно в одиннадцать.

Я не стала ничего планировать. Не стала решать, что скажу. Я просто посмотрела своему отражению в глаза и тихо, но очень четко произнесла:

— До завтра, Ян. На этот раз я не убегу.

ой дом и требует объяснений. А не пошёл бы он…

Глава 12

Утро было ясным и прохладным. Провожая Яну до садика, я крепче обычного сжимала ее теплую ладошку.

— Мама, ты сегодня какая-то не такая, – заметила она, шагая рядом в своих желтых резиновых сапожках.

— Просто задумалась, солнышко, – улыбнулась я ей, и эта улыбка, предназначенная дочери, на секунду стала почти настоящей.

– Папа Вася говолит, что ты настоящая гелоиня. А что значит, гелоиня?

– Героиня, Яночка, – это не та, кто сильнее всех. А та, кто, даже когда трудно и страшно, не сдается. Кто плачет, но всё равно встаёт и делает то, что должно. Кто защищает тех, кого любит, и не бросает своих. Вот как мама – ради тебя.

В школе пахло привычно: мелом, гуашью и сладковатым запахом школьных завтраков. В учительской уже царило оживление. С порога на меня обрушился шквал поздравлений.

— Зарина Валерьевна! С возвращением! – крикнула Надежда Петровна, первая протягивая мне кружку с чаем. – Ну-ка, показывай свой трофей!

Стеснительно улыбаясь, я достала из сумки коробку и открыла ее. Хрустальная статуэтка – стилизованный пеликан с раскрытыми крыльями – заиграла в лучах утреннего солнца.

— Ой, какая красота! – ахнули коллеги, обступив меня. – Заслуженно! Поздравляем от всей души, Зариночка!

— Ставь на самое видное место, на нашу полку славы!

Под их дружелюбные улыбки я поднялась на стул и бережно поставила статуэтку на полку над своим рабочим столом. Она возвышалась там, гордая и холодная, словно символ моих побед в этом маленьком мире. В нем я чувствовала себя значимой, уважаемой, своей. На мгновение это осознание согрело меня.

Прозвенел звонок, и я на пару часов погрузилась в изучение русской литературы с девятым классом. Не заметила, как мои часы показали одиннадцать. Урок закончился, у меня было свободное окно, и я решила позвонить Яну.

Я направилась в учительскую. Там никого не было – все были на уроках. Я закрыла дверь, чтобы никто не помешал, достала телефон и нашла в списке звонков его номер. Положила палец на зеленую кнопку вызова. Вдохнула, выдохнула и...

Вдруг в дверь учительской громко постучали. Она резко распахнулась, и в комнату вошел мужчина. Его голос, одновременно властный и удивленный, прозвучал с порога:

— Извините, мы ищем Зарину Синицыну.

Я замерла у своего стола с телефоном в руке. Что еще могло случиться? Может, Марта? Или Роман? Паника, острая и липкая, сковала горло.

Из кабинета директора, выходившего в учительскую, показалась встревоженная Надежда Петровна.

— Зарина Валерьевна, это к вам! – произнесла она, и в ее голосе прозвучала тревога.

Я медленно встала. В дверях стояли двое: мужчина и женщина в строгих, почти официальных костюмах. Они выглядели чужими в этой уютной, заставленной цветами и стопками тетрадей комнате. Их взгляды сразу же нашли меня, оценивающе скользнули по лицу, по скромному платью...

— Вы Зарина Синицына? Лучший учитель года? – уточнил мужчина, сверяясь с планшетом в руке.

— Да, это я, – ответила я, и голос прозвучал тише, чем хотелось.

— Нам нужно, чтобы вы срочно проехали с нами в областной центр. В департамент образования. Дело важное и не терпит отлагательств.

В учительской повисло изумленное молчание.

— Что случилось? – спросила я, чувствуя, как холодеют ладони. Это не было похоже на обычный вызов.

Женщина, которая до сих пор молчала, сделала шаг вперед. Ее лицо было непроницаемым.

— Речь идет о вашем проекте. О гранте на школьную библиотеку и спектакли. Возникли… вопросы, требующие вашего личного присутствия и разъяснений. Вполне возможно, положительные, – она добавила последнюю фразу с мимолетной тенью улыбки. – Машина ждет у ворот. Вы готовы поехать сейчас?

Я оглянулась на коллег. Их лица отражали смесь гордости, зависти и беспокойства. Надежда Петровна смотрела на меня пристально, будто пытаясь что-то понять. Я посмотрела на часы. Пять минут двенадцатого. Ян ждал в своем офисе. Мой шанс, выстраданный, вымученный, ускользал прямо из рук.

— Но… у меня уроки, – слабо попыталась я возразить.

— Мы все согласовали с директором и управлением образования, – парировал мужчина. – Ваши занятия на сегодня и завтра будут покрыты. Это приоритет. Решение будет приниматься сегодня.

Они ждали моего ответа. Весь мой маленький, налаженный мир замер в ожидании. А там, в городе, ждал он. Ждал, не зная, что я снова могу не прийти. Снова не позвонить.

Я сделала глубокий, дрожащий вдох. Снова судьба подкидывала мне выбор. Успех, признание, карьера — или шаг в прошлое, полное боли и неразберихи. Я посмотрела на статуэтку на полке. Она сверкала, напоминая, чего я добилась сама.

— Я… я готова, – тихо, но четко сказала я, глядя прямо в глаза женщине из департамента. – Дайте мне две минуты, взять сумку.

Я отвернулась от них, от статуэтки, от вопросительных взглядов коллег. Рука судорожно сжала телефон в кармане. Я вновь набрала номер и стала ждать. Короткие гудки вывели меня из ступора.

Нужно было дозвониться. Сказать секретарю, что это срочно. Потребовать, чтобы он перезвонил. Хотя бы попробовать.

Я вышла в коридор, пока визитеры что-то обсуждали с Надеждой Петровной, и снова поднесла телефон к уху. Нажала вызов. Короткие гудки.

– Да, провалёная сила! – выругалась я, понимая, что ругаться в школе нехорошо. Осеклась и поджала губы.

Будто сама судьба, издеваясь, выдергивала вилку из розетки телефона в самый последний момент. Сначала такси, теперь связь с его миром. Что-то сжималось внутри в тугой, болезненный комок бессильной ярости и горького сожаления. Я не оставила ему никаких координат, никакой зацепки. Теперь и эта последняя нить оборвалась.

— Зарина Валерьевна, мы ждем, – раздался за моей спиной спокойный, но настойчивый голос мужчины в костюме.

Я кивнула, не оборачиваясь, сунула «мертвый» телефон в карман и прошла в учительскую за сумкой. Мои движения были механическими. Я взяла портфель, кивнула Надежде Петровне, которая смотрела на меня с немым вопросом, и вышла вслед за парой в строгих костюмах.

У ворот стояла темная машина с затемненными окнами. Меня посадили на заднее сиденье. Рядом села женщина, а за руль – мужчина. Дверь закрылась с тихим, дорогим звуком, отрезав меня от привычного мира. Машина бесшумно и быстро тронулась с места.

Дорога в область заняла чуть больше часа. Я молча смотрела в окно, не видя ни полей, ни лесов.

Машина въехала в город и остановилась у массивного здания из стекла и бетона с вывеской «Департамент образования и науки». Меня провели через шумящий холл, где сновали озабоченные люди с папками, к лифту. Поднялись на четвертый этаж. Коридоры здесь были тихими, пугающе стерильными, пахли свежей краской и озоном от кондиционеров.

— Войдите, пожалуйста, в зал совещаний, вас встретят, – женщина указала на массивную дверь из светлого дерева и отступила в сторону вместе со своим коллегой. В их поведении появилась какая-то странная, натянутая почтительность, которая лишь усилила мою тревогу.

Я глубоко вздохнула, поправила ладонью непослушную прядь волос и толкнула тяжелую дверь.

Зал совещаний был залит слепящим светом от панорамных окон. Длинный полированный стол, пустые кожаные кресла. И у окна, спиной ко мне, стоял мужчина, разговаривая по телефону. Высокий, в темном, идеально сидящем костюме, с знакомым до боли изгибом плеч.

— Да, да, я уже в здании, – говорил он в трубку, и от звука его голоса, живого и такого родного, у меня перехватило дыхание. – Нет, встреча переносится. Скажи им, что возникла неотложная… ситуация.

Он обернулся, все еще не глядя в мою сторону, собираясь положить телефон в карман. И его взгляд, скользнув по дверному проему, нашел меня.

Это был Ян.

Он замер. Смартфон выскользнул из его расслабленных пальцев и с глухим стуком упал на ковер.

— Зарина?

Глава 13

Ян Бородин

Возвращение в город было неожиданным решением. Я не спешил. Даже продажа доли моего бизнеса заняла почти год. За это время мы с Катей спокойно развелись. Катя не плакала. Она просто вздохнула с облегчением, как будто с её плеч упал тяжёлый груз. Наши две неудачные попытки завести детей не были трагедией. Это был приговор, который мы оба приняли. Детей у нас не было. Любви тоже. Оставался только красивый фасад, за которым была пустота. Шесть лет я пытался заполнить эту пустоту работой.

Я женился на Кате по очень сложным причинам: из-за боли, что Зарина выбрала моего брата, из-за злости ("посмотрим, как ты без меня") и потому что мои родители, уже потерявшие надежду, предложили мне "правильную" девушку из хорошей семьи. Я согласился, как дурак. Как будто, женившись на ком-то другом, я мог бы доказать Зарине... Да кому я мог что-то доказать? Она ведь даже не знала об этом.

Шесть лет я не общался с Романом. С того самого дня, когда он, пьяный и самодовольный, похвастался в баре: «Твоя Заринка не такая уж святая. Горит у меня на заднем сиденье, как спичка. А что? Ребеночек потом будет, может, и назовем его в честь тебя, ха-ха».

Удар был ниже пояса, грязный и оглушающий. Я не стал ничего выяснять. Просто решил, что брат в очередной раз гонит пургу. А потом…

Вдруг увидел, как Роман абсолютно голый вышел из своей комнаты. Как Зарина выбежала оттуда же минутой раньше. Мир перевернулся. Я вломил ему, не помня себя. Злости было столько, что хотелось убить и расквасить ему лицо в мясо.

Потом была его смс: «Посмотри на свою святошу у Универа. Через час». И я, как последний лох, пошел и увидел. Их. В машине. Целующихся. Это было четко, ясно, без права на оправдание. Я вырвал их обоих из своей жизни с корнями и уехал, пытаясь сгореть в работе.

Я был уверен на все сто. Уверен в ее предательстве, в его подлости. И в своей правоте.

А потом эта уверенность начала рассыпаться.

Сначала краешком, как старая штукатурка. Всплывали странные детали. Почему она тогда, в последний раз, плакала так истерично? Почему Роман потом так навязчиво пытался поддерживать контакт, словно проверяя, не пронюхал ли я чего? Сомнения грызли тихо, пока однажды, глядя на чертеж очередного безликого бизнес-центра, я не поймал себя на мысли:

А что, если он солгал?

А что, если все что я видел, было спланированной инсценировкой?

Мысль, как щель в плотине. Потом – обвал. Я начал искать. Тихо, через старых знакомых. Узнал, что она уехала из города через несколько дней, когда я женился. Что у нее родилась девочка. Что Марта, ее лучшая подруга, куда-то исчезла и ни с кем не общается. Картина складывалась кривая, с зияющими дырами. И главная дыра была в моей душе.

Я продал все, что связывало с прошлой жизнью, и вернулся сюда. Перевез сюда бюро, арендовал квартиру с видом на реку – ту самую, по набережной которой мы когда-то гуляли. Не из сентиментальности. Из упрямства. Я должен был узнать правду. Найти ее. И я начал искать.

А потом я увидел ее. Чистая случайность. Я приехал на первую встречу с местными чиновниками, ключевой для нового проекта. Вышел из такси и увидел, как с другой стороны улицы девушка в черном платье садилась в машину. Профиль. Походка. Взгляд, мелькнувший в сторону… Сердце в груди совершило кувырок, а потом замерло. Зарина. Нет, не может быть.

Я скользнул взглядом по отъезжающему такси, по заднему стеклу… и встретился с ней глазами.

— ЗАРИНА! – Голос сорвался, получился хриплым, не своим.

Она обернулась. Наши взгляды встретились через поток машин, через стекло, через шесть лет лжи.

Такси рвануло с места. Инстинкт сработал раньше мысли. Я бросился бежать. Бежал, как сумасшедший, по тротуару, крича ее имя, не думая о том, как выгляжу со стороны. Машина ускорялась. Она исчезла за поворотом, и я остался стоять, согнувшись, опираясь руками о колени, задыхаясь не от бега, а от ослепительной, обжигающей ясности. Она увидела меня. И убежала. Почему?

Следующие дни я потратил на поиски. Я искал в архиве ЗАГСа, проверял ее страницы в соцсетях (у нее их не было), спрашивал у знакомых. Все было бесполезно. Она исчезла. Единственная информация, которую я нашел, была от кого-то, кто сказал, что слышал, будто она работает учителем. Она стала учительницей. Это было забавно: она, которая хотела работать в рекламе, теперь работает учителем в маленьком городе.

А сегодня утром мне позвонили из департамента образования. Вежливый мужской голос сообщил, что есть вопросы по проекту реконструкции здания рядом со школой в одном из районов, и моё присутствие на срочном совещании обязательно. Я согласился, не раздумывая. Любой контакт с системой образования был теперь шансом.

И вот я здесь. В этом стерильном зале совещаний, жду чиновников и листаю телефон, думая о ней. О том, как глупо было бежать за такси. И вдруг дверь открывается.

Я оборачиваюсь, продолжая говорить по телефону, отмахиваясь от срочного звонка из бюро. И вижу ее.

Телефон выскальзывает из пальцев. Мир сужается до одного образа. Она стоит на пороге, бледная, в простом платье, с огромными глазами, в которых читается тот же шок, что и у меня. Но еще – страх, недоумение и какая-то обреченность.

— Зарина? – мое имя срывается с губ само. Звучит хрипло, неуверенно.

Мы смотрим друг на друга через всю длину пустого зала. Шесть лет молчания, лжи и боли висят между нами плотной, невидимой стеной. Но сейчас, в этом неестественном казенном помещении, ясно одно: нас привели сюда не случайно. Обоих. Кем-то, кто знал, где мы, и кто хотел, чтобы эта встреча наконец состоялась. И это не чиновники из департамента.

Я делаю шаг вперед.

— Ты… что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, уже догадываясь об ответе. – Мне сказали, здесь совещание по строительству.

Она медленно качает головой, её губы чуть дрожат.

— Мне сказали… что это по моему гранту. Для школьной библиотеки.

— Зарина… – ее имя – как глоток воздуха после долгого удушья. Инстинкт, древний и неконтролируемый, заставляет меня сделать еще шаг, руки сами раскрываются для объятия, чтобы прижать, вдохнуть знакомый запах, наконец-то…

– Стой, где стоишь, Бородин! – ее голос, резкий, как удар хлыста, останавливает меня на месте. Она не отступает, но вся выпрямляется, вскидывая подбородок. Взгляд, еще секунду назад растерянный, становится твердым, ледяным. – Мы больше не вместе.

Глава 14

Мой голос в тишине зала прозвучал резко, как выстрел. Шесть лет я вынашивала эти слова, оттачивая их до острой грани. Но вместо облегчения по спине пробежал холод. Его лицо исказилось не гневом или упреком, а чистым, беззащитным недоумением, которое пронзило меня до глубины души.

— Не вместе, да. Ты права, – он медленно, будто сквозь туман, покачал головой. Его голос был сбитым, хриплым. – Зарина… Я шесть лет думал, что мы… что ты и Роман…

— Что мы что? – шагнула я вперед, и боль, старая и знакомая, вырвалась наружу. – Что мы предатели? Что я прыгнула в постель к твоему брату, пока ты ездил на собеседование? Это он тебе рассказал? А про то, что он ворвался ко мне в квартиру, когда я собирала вещи, чтобы уехать к родителям, тебе рассказал? Про то, что я плакала и умоляла его позвонить тебе, сказать, что я беременна, а он улыбался и говорил, что ты женился и твоя новая жена тоже ждет ребенка? И наш ребенок тебе не нужен!

Ян побледнел. Он сделал шаг назад, будто от физического удара.

— Нет… Он сказал… Он показал… Я сам видел… – он говорил обрывочно, и в его глазах начал проступать ужас – ужас человека, который начинает понимать масштаб обмана.

— Что ты видел, Ян? – мой голос дрогнул. – Ты видел, как он накинулся на меня в машине возле универа? Видел, как я отбивалась? Нет. Ты видел постановку. А видел ли ты, как он потом пришел и сказал, что ты назвал моего ребенка «приплодом» и больше не желал меня видеть? Ты это видел?!

Слезы, которые я сдерживала все эти годы, хлынули ручьем. Я не вытирала их.

— Я ждала тебя. Месяц. Два. Писала на старые номера. Потом поняла. Роман был прав. Ты сделал свой выбор. А у меня был выбор – сойти с ума или выжить. Я выбрала выжить.

Он стоял, как громом пораженный. Потом медленно, очень медленно, поднял руки и провел ладонями по лицу, смазывая влагу, выступившую у него на глазах.

— Боже мой… – это был стон, вырвавшийся из самой глубины. – Зарина… Девочка… Ей пять лет?

Я кивнула, не в силах вымолвить слово.

— Моя? – он прошептал, и в этом слове была вся вселенная надежды и страха.

— Твоя, – выдохнула я. – И моя. Наша дочь.

Потом он закрыл глаза, сделал глубокий, очень медленный вдох, будто впуская в себя эту новую, оглушительную реальность. Когда он открыл их снова, в них не было слез. Была решимость. Стальная, беспощадная решимость.

– Меня обокрали, – тихо произнес он, и эти слова были страшнее любого крика. – У меня украли пять лет жизни моей дочери. У нас с тобой украли пять лет. Он подошел ближе, но не для объятия. Он остановился в шаге, и его взгляд, тяжелый и пронзительный, буравил меня. – Ты права. Мы не вместе. Слишком много лжи, слишком много боли. Слишком много… предательства со стороны тех, кому мы доверяли. Но теперь я здесь. И теперь я все знаю.

— Иди ко мне, – прошептал он, открывая свои объятия.

Но я стояла. Никак не могла пошевелиться и сдвинуться с места. Ноги словно приросли к полу. А еще я никак не могла простить Яна за то, что он так легко поверил в тот бред, что наговорил ему брат.

Может и не любил вовсе.

– Я не могу, – лишь тихо прошептала я и отвернулась. – Ты меня обидел. Мне было очень больно и эта рана еще не зажила.

Он осторожно повернул меня к себе и взял мое лицо в ладони. Его большие, теплые пальцы вытирали мои слезы.

– Ты можешь меня не прощать, – сказал он четко. – Ты имеешь на это полное право. Но у нас есть дочь. И нам придется теперь как-то существовать в одной реальности. Ради нее.

Его слова выдернули нас из эмоциональной трясины и вернули к суровой реальности.

– Поехали. Сейчас. Я должен увидеть её. Хочу все узнать. Каждый день, который я пропустил. – Произнёс он решительно, но в его взгляде мелькнула неуверенность, почти детский страх перед встречей. Этот контраст – твёрдой воли и человеческой уязвимости – тронул меня до глубины души.

Я все еще стояла, не решаясь двинуться. Обида сковывала меня, словно ржавая цепь. Но я кивнула. Бездумно, будто под гипнозом. Потому что для Яны это было необходимо.

И в этот момент, когда мир наконец обрел краски и смысл, дверь в зал совещаний с тихим щелчком открылась.

На пороге стояли не чиновники.

Стоял Василий, мой гражданский муж, с каменным, ничего не выражающим лицом. И держала его за руку наша Яночка. Ее глаза, огромные и испуганные, метались от меня к незнакомому мужчине в дорогом костюме, к нашим лицам, застывшим в немом шоке.

— Мама? – тоненький, потерянный голосок разрезал тишину. – Кто этот дядя? И почему он держит тебя за руку? Папа Вася сказал, что мы едем к тебе на работу… А тут ты с чужим дядей.

Василий молчал, но его взгляд, устремленный на меня, говорил больше, чем любые слова. В нем читались шесть лет молчания, тихая преданность, которую я воспринимала как должное, и теперь — ледяное, бездонное разочарование.

А за его широкой спиной, мелькнуло знакомое, отвратительно самодовольное лицо. Романа.

Он не вошел. Он лишь наблюдал, наслаждаясь спектаклем, который сам и поставил.

– Ну что я могу сказать! – воскликнул он из полутьмы коридора. – Браво! Бра-во! Учительница года, пример для подражания для учеников и их родителей, образцовая жена и мать – и она в закрытом кабинете с посторонним мужчиной. По-моему, это скандал!

Глава 15

Ян медленно выпрямился, отрывая взгляд от моей дочери. Отступил от меня на шаг и как бы прикрыл за своей спиной, словно загораживая меня от всего мира. Всё его внимание теперь было сосредоточено на “любимом” братце. Он повернулся к нему, и в его движении была грация хищника, оценивающего добычу.

— Твой «добрый» поступок, Роман… то что ты сделал сейчас… здесь, – это последняя капля. Все предел. Дальше падать уже некуда, – голос Яна был тихим и опасным. – Ты солгал мне шесть лет назад. Нагло, подло, отвратительно. Даже враг так не поступит со своим врагом, как поступил ты. Ты подстроил ту сцену в квартире, в машине у университета. Гадко и мерзко. А теперь ты привёл сюда семью Зарины, чтобы что? Чтобы устроить очередной спектакль на глазах у ребёнка? – Его взгляд скользнул по испуганной Яне, и челюсть его напряглась. – По-моему, ты попутал все берега и перешёл все границы. И знаешь что, ты за это ответишь! Я обещаю тебе, я обещаю себе и всем, кто здесь сейчас находится, что сухим из воды в этот раз ты не выйдешь. Я костьми лягу, брошу все силы на то, чтобы оставить тебя не с чем, любимый брат.

Сегодня же я свяжусь со своими юристами по поводу клеветы шесть лет назад. А теперь добавится и это, – он сделал резкий жест в сторону Василия и плачущей Яны, – попытка психологического давления на несовершеннолетнюю.

Лицо Романа перекосилось. Его, кажется, даже передернуло.

И самодовольное лицо сменилось мгновенной, дикой злобой.

— Ты блефуешь, брат! У тебя нет никаких доказательств. Я просто позвонил мужу этой…, – он посмотрел на меня с ненавистью и злобой, – как любой нормальный человек и предупредил, что его жена вероятно в беде.

— «Нормальный человек» не получает садистское удовольствие, сводя в одной комнате бывших возлюбленных, законного мужа и ребёнка, – холодно парировал Ян. – Ты всегда обожал всё контролировать. Не правда ли? Похоже и Марта тоже запугана по самое не балуй.

– Не трогай. Её, – процедил Роман и его ладони сжались в кулаки. Похоже Ян надавил на самое больное.

– А что случилось? – усмехнулся Ян, и в его глазах вспыхнула искра ярости. – Твоя любовница больше не уверена в твоей неуязвимости. Её молчание куплено страхом. Но страх, знаешь ли, ненадёжная валюта, брат. Особенно когда появляется выбор.

Эта фраза прозвучала как удар ниже пояса. Роман побледнел. Значит, Ян что-то знал. Возможно, уже выходил на Марту или строил догадки, но его уверенность была не наигранной.

– О каком выборе ты говоришь, придурок? У нее есть все, что она хочет и не лезь в то, что тебе не по зубам.

— Проверим, – холодно бросил Ян. – А теперь, убирайся. Пока я не позвонил в полицию и не попросил их разобраться с твоим постоянным преследованием. Твоё присутствие пугает ребёнка.

Роман что-то прошипел сквозь зубы, бросил на нас всех ядовитый взгляд и, оттолкнувшись от косяка, исчез в коридоре. Но его уход не принёс облегчения. Самый трудный разговор был ещё впереди.

Ян посмотрел на Василия. Он стоял прямо, но не агрессивно. Затем Ян перевёл взгляд на дочку, которая всё ещё крепко держалась за мужчину, которого называла папой. В глазах Яна мелькнула глубокая и непонятная боль.

— Василий, – начал Ян, и его голос звучал хрипло от сдерживаемых эмоций. – Я понимаю, что для тебя это шок. Для меня тоже. Я не знал, что у меня есть дочь. Мне солгали. Но теперь я знаю. И я не уйду. Я буду участвовать в её жизни. Как бы ты к этому ни относился.

Василий молчал, сжимая и разжимая кулаки. Он смотрел на Яну, прижимающуюся к нему, потом на меня. В его глазах была мука простого человека, втянутого в водоворот чужих страстей.

— Я её растил, – наконец выдавил он хрипло. – Все эти годы. Я её отец.

— Я знаю, – тихо сказал Ян, и в этих словах была странная смесь уважения и непреклонности. – И я очень тебе благодарен за то, что все это время ты был ей настоящим папой. Но я её настоящий отец. Биологический. А скоро будет и юридически тоже. Мы можем делать это по-хорошему. Или через суд. Выбирай.

Его слова повисли в воздухе ультиматумом. Василий посмотрел на меня, а потом спросил:

– Ты хочешь этого? Ты позволишь ему забрать её?

А Яна, всё ещё не понимая до конца, но чувствуя, что происходит что-то страшное, тихо заплакала.

— Мама… Папочка… Я хочу домой… Пустите меня домой…

Этот детский плач разбил лёд. Ян вздрогнул, и в его глазах промелькнуло смятение. Он не хотел этого. Не хотел слёз и страха в глазах этого маленького человека, который был частью его самого.

— Хорошо, – сказала я, находя в себе силы говорить ровно. Я подошла к Яне, осторожно отцепила её цепкие пальчики от Василия и взяла на руки. Она прильнула ко мне, всхлипывая. Я поцеловала ее в щечку и посмотрела в глазки, которого были одного цвета с глазами ее настоящего отца. – Родная моя, сейчас мы все едем домой. Все. И там… там мы всё спокойно обсудим. Без свидетелей. Без скандалов. Хорошо, зай?

Ребенок кивнул и положил головку мне на плечо. Я с облегчением выдохнула и посмотрела на Яна, потом на Василия. Оба мужчины, такие разные, стояли передо мной, раздавленные ситуацией.

— Как её зовут? – вдруг тихо спросил Ян, его голос сорвался на шепот. Этот простой вопрос, прозвучавший после всех угроз и юридических терминов, был полон такой щемящей боли и надежды, что у меня сжалось сердце.

— Яна, – так же тихо ответила я. – Твою дочь зовут Яночка.

Глава 16

Он кивнул. Один раз. Сжав челюсти так, что мышцы на скулах напряглись. Это имя, вырвавшееся из моего горла, словно ударило его физически. Яна. Его дочь. Но сейчас она была просто испуганным комочком на моих руках.

Василий, не глядя ни на кого, резко развернулся и пошел к выходу.

— Моя машина у подъезда, — бросил он через плечо. — Места… в общем, хватит не всем.

– Вася, что это значит?

– Это значит, что для него, – он кивнул в сторону Яна и в его взгляде читалась ненависть, – места в моей машине нет.

– Ты сейчас серьезно?

– Абсолютно. Я не поеду с человеком, который бросил тебя шесть лет назад беременной.

– Но он же не знает дороги, – продолжала настаивать я, глядя то на одного мужчину, то на другого.

– Мне все равно, – пожал плечами Василий. – Пусть добирается как хочет.

Тишина в зале стала тягучей, как сироп. Я чувствовала, как взгляд Яна, тяжелый и ожидающий, буквально прожигает мне кожу. Он ждал, что я сломаю этот барьер. Что я прикажу, попрошу, потребую. Но я устала от приказов.

— Я найду ваш дом сам, — произнес он, и голос его звучал странно ровно, почти официально. Он обращался ко мне, но смотрел при этом на темные, шелковистые волосики Яны, на ее маленькую ладонь, вцепившуюся в край моей кофты. — Дайте адрес. Или… просто название улицы. Я найду.

— Я поеду с Яном, – сказала я наконец, и слова прозвучали тихо, но с той же ледяной четкостью, с какой я когда-то выставляла за дверь Романа. – А ты бери Яну и поезжайте впереди. Мы следом.

Василий остановился у самой двери. Медленно обернулся. Его лицо, обычно такое простое и открытое, было похоже на маску из застывшей глины. Он посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Яна – ненавидящий и агрессивный.

— Хорошо, Зара, — кивнул он. Он всегда сокращал мое имя так. И сейчас в этом «Зара» прозвучала не обида, а капитуляция. Он все понял. Понял, что его тихая гавань дала течь и ее заливает чужая, бурная вода.

Я наклонилась к дочери, прижала к ее теплой щеке свои губы, вдохнула знакомый запах детского шампуня и яблок.

— Поедешь с папой Васей, солнышко, хорошо? Мы с… с дядей Яном будем прямо сзади. Как паровозики.

Яна не заплакала. Она лишь прильнула ко мне на секунду крепче, потом отстранилась и уставилась большими, серьезными глазами на высокого незнакомца.

Затем она молча протянула руку Василию. Тот взял ее крошечную ладонь в свою грубую, испещренную мелкими шрамами руку. Держал осторожно, как хрупкую птичку. Не глядя больше ни на кого, он повел ее в коридор, к выходу, к своей старой машине.

Я смотрела им вслед, пока дверь не закрылась, отрезав их от нас. И только тогда позволила себе дрогнуть. Спина пронзительно заныла от напряжения. Ян стоял рядом, не двигаясь, его взгляд был прикован к точке, где только что стояла наша дочь.

— Поехали, – выдохнула я, не глядя на него. – Не теряй их из виду.

В салон «Мерседеса» пахло дорогой кожей, кофе из термокружки и напряженным молчанием. Я сидела, вцепившись в подлокотник, и смотрела в боковое стекло, не видя мелькающих за окном полей. Сердце колотилось где-то в горле, мелкой, предательской дробью.

Ян вел машину собранно и молча. Его профиль был резок, челюсть плотно сжата. Он пытался сдержать ураган, бушующий внутри, но я чувствовала его – каждой клеточкой. Это было как сидеть рядом с заряженным до предела высоковольтным проводом.

– Может поговорим? – предложила я. – Ехать еще долго.

«Поговорить о прошлом и будущем».

Какая наивность. Какие слова могли заполнить шестилетнюю пропасть, из которой только что вырвался рев лжи и боли?

— Зарина… – его голос, хриплый от долгого молчания, заставил меня вздрогнуть. — Я… не знаю, с чего начать. «Прости» – это ничто. Это пыль.

— Думаю, это начало, – выдохнула я, глядя на его руки, крепко сжимающие руль. Те самые руки, которые когда-то обнимали меня. – Сначала надо понять, как жить дальше. Василий… Он вообще хороший человек. И он ни в чем не виноват. Он любит меня и Яночку.

— Я знаю, – резко сказал Ян. — Я видел, как он на нее смотрит. Это… Это взгляд отца. И мне от этого адски больно. Потому что это должен был быть я.

Он ударил ладонью по рулю. Машина слегка вильнула.

— Черт! Он растил мою дочь! А в это время я строил чертовы торговые центры и думал, что ты…

Он не договорил.

— Думал, что я предательница, — холодно договорила я за него. — И даже не попытался узнать правду. Просто вычеркнул меня из своей жизни. Как брата. Как будто мы для тебя ничего не значили.

— Ты значила ВСЁ! — его крик оглушил меня. Он резко свернул на обочину, затормозил и повернулся ко мне. Его глаза пылали. — Именно поэтому я сбежал! Потому что боль была невыносимой! Я видел вас в той машине, Зарина! Видел, как ты… как ты обнимаешь его! Что я должен был думать?! Я был раздавлен! А потом этот звонок от матери, что отец в больнице после скандала, что надо срочно приехать и все уладить… А улаживать как оказалось нужно было свадьбу с «правильной» девушкой! И я, как тряпка, согласился, потому что мне было уже все равно! Потому что та часть меня, которая умела любить и доверять, сгорела в тот день у универа!

Он тяжело дышал, и в его глазах стояли не слезы, а какая-то бешеная, беспомощная ярость на себя, на весь мир, на украденные годы.

Я смотрела на него и понимала, что моя обида, моя ледяная скорлупа, которую я выстраивала все эти годы, трескается. Под ней оказалась не пустота, а та же самая, зеркальная боль. Мы оба были жертвами одного чудовищного обмана.

— Я тоже сбежала, – тихо сказала я. – Хоть и бежать мне было некуда. У меня под сердцем уже росла Яночка. И я выбрала не чувствовать. Вообще. Василий… он был тихим портом. Он не требовал любви. Он просто был рядом. И я позволила ему быть папой для Яны, потому что… потому что настоящий папа был для нее призраком, который назвал ее… приплодом.

Глава 17

— Я никогда такого не говорил! – он схватил мою руку, и его прикосновение, первое за столько лет, обожгло кожу. – Клянусь всем, что у меня есть. Клянусь нашей дочерью. Роман лгал. Всем. И я был слепым, глупым идиотом, который поверил!

Я не отняла руки. Позволила его пальцам, холодным и дрожащим, сжимать мои до боли. Смотрела на эту связь — первую за шесть лет. Она была похожа на спасательный трос, брошенный с одного разбитого корабля на другой

— А что теперь, Ян? — прошептала я, и в голосе послышался предательский, детский надрыв. — Ты ворвался сюда, как ураган. С грохотом прошлого, с угрозами юристов… Ты говоришь о правах. А она — просто маленькая девочка. Её целый мир, весь ее маленький, безопасный космос из папы Васи, маминых сказок и желтых сапожек… он только что взорвался у нее на глазах. Ее «папа Вася» сидит в той машине и… и, наверное, разбит вдребезги. А тут появляется какой-то чужой, красивый и страшный дядя, и кричит, что он — отец. Как ей с этим жить, Ян?

Он закрыл глаза, прислонился лбом к рулю. В этом жесте было столько беспомощности, что моя собственная злость дала трещину. Внезапно передо мной был не всемогущий архитектор, покоряющий города, а просто мужчина. Уставший. Запутавшийся. С огромной, кровавой дырой в собственной истории.

— Я не знаю, — выдохнул он, и это было самое честное, что я слышала от него за все время. — Я не знаю, как это делается. Я умею считать нагрузки, чтобы балки не рухнули. Умею заливать фундаменты, которые выстоят десятилетия. А как построить мост через шесть лет лжи? Как заложить фундамент доверия в испуганных глазах ребенка?.. Я не знаю. Но я научусь. — Он открыл глаза. В них горел странный, почти фанатичный свет. — Я буду ползать. На коленях. По битому стеклу. Если нужно. Перед тобой. Перед ней. Я буду заслуживать. Каждый ее вздох. Каждую полуулыбку. Каждое недоверчивое «папа?».

Он поднял голову и посмотрел на меня. Взгляд был прямым, без тени игры или лукавства.

— А ты… Ты можешь дать мне этот шанс? Не как мужчине. Даже не как тому парню, которого ты когда-то любила. Как отцу нашей дочери. Всего лишь шанс… быть рядом.

В груди что-то острое и тяжелое перевернулось. Предчувствие, темное и липкое, которое преследовало меня с самого утра, сгустилось до предела. Казалось, воздух в салоне стал густым и тяжелым. Я хотела ответить. Сказать, что не знаю. Что мне страшно. Что одна ложь уже разбила нашу жизнь, и я боюсь любой новой встряски.

Я отвернулась, чтобы собраться с мыслями, и взгляд упал на лобовое стекло. Впереди, метров за сто, ехала знакомая “девятка” Василия. Я видела очертания его головы за рулем. И маленькую фигурку Яны на заднем сиденье, в ее любимом желтом детском кресле, которое мы с Васей выбирали в магазине, споря о степени безопасности. Она что-то показывала ему, размахивая рукой. Вероятно, какую-то находку из кармана.

— Поедем, – тихо сказала я. – Догони их. Надо… надо быть рядом. Все вместе.

Ян молча кивнул, резким движением повернул ключ зажигания. Мотор взревел приглушенно. Мы тронулись, плавно набирая скорость, постепенно сокращая дистанцию. Расстояние и стекло разделяло нас, но казалось, я чувствую тепло дыхания дочери, слышу ее смех, которого не было слышно.

Он ехал чуть быстрее, постепенно сокращая дистанцию.

Мы приближались к большому, всегда оживленному перекрестку на самом въезде в райцентр. Горел зеленый. “Девятка” спокойно выкатилась на пересечение. Слева, со второстепенной дороги, выползал огромный зерновоз. Неспешный, неповоротливый, как доисторический зверь. Он выруливал, занимая полосу, его длинный кузов перекрывал обзор.

И вдруг время замедлилось.

Я видела, как задние стоп-сигналы «девятки» не вспыхнули красным. Не моргнули. Они оставались темными, слепыми. Машина не сбросила скорость, не дернулась, чтобы ускориться и проскочить. Она ехала. Ровно. Прямо. Как по рельсам. Как будто водитель не видел махину, заполняющую собой весь мир.

Василий… Он всегда был таким внимательным за рулем. Всегда. Но сейчас… что-то было не так.

Ледяная рука сжала мне горло, перехватила дыхание.

— Вася… тормози… – прошептала я, умоляя его, но знала, что он не услышит, — Тормози… Милый, тормози же…

Но стальная коробка цвета грозового неба продолжала свое роковое движение. Зерновоз, набрав инерцию, уже не мог остановиться. Его длинный прицеп, груженый чьим-то урожаем, медленно, неотвратимо, с ужасающей грацией перерезал путь маленькой машине.

— ВАСЯ! — крик вырвался из меня сам, дикий, звериный, разрывающий связки.

Ян резко ударил по тормозам, но мы были слишком близко. Я видела, как бампер нашей старой «девятки» на микросекунду замер перед гигантской шиной грузовика.

А потом — удар.

Не оглушительный, а какой-то приглушенный, хрустящий. Звук ломающегося пластика и скрежещущего металла. Я видела, как передняя часть машины там, где сидел Вася, вздыбилась, наехав на колесо фуры, а затем рухнула вниз.

Стекло переднего окна рассыпалось градом мелких осколков.

Крик вырвался из меня нечеловеческий, разрывающий глотку, выворачивающий душу наизнанку.

— ЯНА-А-А-А-А!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.